

АНАТОЛИЙ РОМОВ
**ДЕКАМЕРОН
ПО-РУССКИ**

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ

Анатолий Сергеевич Ромов
Декамерон по-русски
Серия «Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»
Серия «Павел Молчанов», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30480725
Декамерон по-русски: Центрполиграф; М.; 2018
ISBN 978-5-9524-5300-5

Аннотация

Итак, есть треугольник: банкир – бандит – красавица. При таком раскладе без трупа не обойтись. Однако труп бесследно исчезнувшего банкира-американца найти не удастся. Зато вскоре частный сыщик Павел Молчанов обнаруживает труп отечественного бандита по кличке Бурун. С красавицей тоже проблемы: ее все время пытаются похитить. Сплошные загадки. Но есть тот, кто знает ответы, тот невидимка, который дирижирует всеми этими преступлениями...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	82
Глава 5	96
Глава 6	106
Глава 7	135
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Анатолий Сергеевич Ромов

Декамерон по-русски

© Ромов А.С., 2018

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2018

Глава 1

На вид русскому было лет тридцать. У него были изъеденные фурункулезом щеки, нос с горбинкой и бесстрастные оловянные глаза. Одет в белые брюки и темно-синий пиджак, из-под которого виднелась серая тенниска.

Этот русский уже дважды подсаживался к ним за стол здесь, в ресторане «Восточный шатер». Когда он сел во второй раз, Стив ощутил настоящую опасность. Русского языка он не знал, но видел, что слова незваного гостя таят в себе угрозу и Инну эта угроза испугала.

За себя Стив не боялся. Он был прирожденным спортсменом, не раз, уходя в горы, смотрел смерти в лицо, в студенческие годы занимался боксом и легко мог раскидать пятерых таких, как этот русский. Но опасность сейчас угрожала не ему, а его жене. То, что угроза реальна, он понимал по виду Инны, по ее страху, по тому, как она побледнела.

Какое-то время он старался не вмешиваться в их разговор, но в конце концов, не выдержав, спросил:

– Инна, я могу чем-то помочь?

Она как-то жалко улыбнулась:

– Стив, все в порядке. Он сейчас отойдет.

– Я вижу, не все в порядке.

– Стив... – Она положила ладонь на его руку. – Потерпи.

Он сейчас уйдет. Поверь, я знаю, как с ними говорить.

Человека в темно-синем пиджаке, сидевшего за столиком, звали Гудок. Здесь, в ресторане гостиницы «Восточный шатер», он чувствовал себя хозяином, потому что был вторым человеком после Буруна, или Геннадия Бурунова, владельца гостиницы и пахана главенствующей в округе группировки. Бурун ясно дал ему понять, как именно он, Гудок, должен объясниться с этой мочалкой, и он сейчас объяснялся точно в этом ключе. Гудок знал, что и эта мочалка, и ее фраер-американец приговорены и будут сегодня убиты, тем не менее он считал нужным довести дело, доверенное ему Буруном, до конца.

Подождав, пока американец замолчит, он сказал, посмотрев на Инну в упор:

– Ну что, пойдешь?

– Никуда я не пойду. – Инна говорила с ним спокойно, но по ее глазам он видел: она боится. – Я сижу со своим мужем и никуда от него не уйду.

– Лапа, меня не волнует, муж он тебе или нет. Геннадий Васильевич сказал, чтобы ты подседа к его столику. И ты подсядешь.

– Никуда я не подсяду. Вообще, передайте вашему Геннадию Васильевичу, что я его не знаю и знать не хочу.

– Геннадий Васильевич сказал другое. Он сказал, что вы раньше встречались.

– Он обознался. Поверьте, я слышу о нем в первый раз.

– Лапа, я думаю, он не обознался.

– Я очень прошу вас, уйдите. Поймите, я пришла сюда с мужем, мы хотим спокойно посидеть и поужинать. Вы мешаете.

– Смотри, лапа, будет нехорошо. – Помолчав, Гудок смеялся взглядом пристально наблюдавшего за ним американца. Посмотрел на нее: – Это твое последнее слово?

– Последнее.

– Хорошо. – Встал. – Думаю, сегодня мы еще увидимся. Так что готовься, лапа.

Повернувшись, он направился к расположенному в дальнем углу зала столику Буруна.

– О чем вы говорили? – спросил Стив.

– О том же, о чем и в первый раз. Этот человек хотел, чтобы я села за столик, где сидит его приятель. Я отказалась.

– И все?

– И все.

Тронув бокал с шампанским, Инна отодвинула его, и он заметил: ее губы дрожат. Взяв ее за руку, он сказал:

– Инна... ну перестань. Что с тобой?

– Стив, я должна тебе кое-что объяснить.

– Конечно, объясни, давно пора. Вообще, что происходит? Мы заходим в ресторан, хотим поужинать, вдруг к тебе подсаживается какой-то тип, начинает угрожать. Да так, что ты чуть в обморок не падаешь от страха. Что случилось? Почему ты должна садиться за их столик? Что им от тебя надо?

– Стив... – Инна взялась ладонями за виски. – Стив, мы

должны отсюда уйти. Немедленно уйти.

Он видел, как красивы ее руки. И видел ее глаза, серые, опущенные ресницами. Сейчас, когда она была испугана, он особенно остро ощущал, как любит ее. Она была женщиной, которую ему подарила судьба. Два дня тому назад он приехал с ней в Москву, в город, связанный с ее детством, и сейчас был счастлив, что ее мечта сбылась.

Все же ее тревога казалась ему преувеличенной. Помедлив, он спросил:

– Почему мы должны уйти?

– Потому что нас могут убить.

Посмотрел в сторону столика, за которым сейчас сидел Гудок. Перевел взгляд на Инну:

– Не понимаю. Кто нас может убить? Этот человек?

– Стив, милый, сейчас нет времени выяснять, кто нас может убить. Мы должны немедленно уйти отсюда.

– Подожди, скажи сначала, кто нас может убить? Этот человек?

– Стив, дело не в этом человеке. Его приятель, о котором я тебе говорила, – хозяин этой гостиницы и этого ресторана. Это страшный человек. Действительно страшный.

– Как его зовут?

– Геннадий Бурунов.

– Его отсюда видно?

– Только его спину. Он сидит к нам спиной, в сером пиджаке. Видишь?

– Вижу. Ты его знаешь?

– Стив... – Взяв его за руку, посмотрела в глаза. – Стив, сейчас не время выяснять, знаю я его или нет. Я все расскажу потом. Сейчас мы должны как можно скорей уйти отсюда.

– Хорошо, давай уйдем.

Он хотел достать бумажник, но она остановила его:

– Не доставай ничего из карманов! Они могут догадаться, что мы уходим.

– Пусть догадываются. Я хочу расплатиться с официантом.

– Стив... если ты хочешь расплатиться, достань деньги незаметно. И так же незаметно положи их на стол. – Встретив его взгляд, снова взяла его за руку. – Стив, пожалуйста. Они не должны думать, что мы уходим.

– Черт... Но если ты так боишься, давай вызовем полицейских. Пусть проводят нас до такси.

Она усмехнулась:

– Стив, о чем ты говоришь?.. Какие полицейские?..

– А что?

– Вся полиция давно ими куплена. Пожалуйста, я очень тебя прошу, сделай пока все так, как я тебе говорю. Хотя бы сейчас.

– Хорошо. – Незаметным жестом он сунул руку во внутренний карман пиджака, нащупал бумажник. – Сколько примерно я должен заплатить?

– Может, долларов сто.

Не вынимая руки, с трудом раскрыл прямо в кармане бумажник, на ощупь достал несколько банкнот. Вытащил руку из кармана, медленно положил деньги на стол. Придавлив их ножом, сказал:

– Я думаю, никто ничего не заметил. А?

– Наверное.

– Мы поедем домой? На Пушкинскую?

– Домой. – Он видел в ее глазах вину. – Стив, прости, что все так получилось. Мы зря сюда приехали. В Москву.

– Перестань. Все в порядке.

– Нет, не все в порядке. Вообще, моя идея вспомнить Москву была идиотской. Во всем виновата я.

– Ты ни в чем не виновата.

– Виновата, я знаю. – Она взяла лежащую на соседнем стуле сумку. – Идем. Только медленно.

– Хорошо. – Он встал, взял ее под руку, не спеша двинулся к двери. У самого выхода из зала почувствовал: она дрожит. Сжал локоть: – Перестань. Все в порядке.

– Стив, я не могу. Я боюсь.

– Все будет хорошо. Идем.

Коридор, если не считать стоящего там официанта, был пуст. Двинувшись к лифту, Инна покосилась на официанта:

– Уверена, этот тип за нами наблюдает. Смотри, он достал телефон.

– Пусть достает. – Войдя вместе с ней в лифт и нажав кнопку, Стив обнял ее. – Все в порядке. Сейчас мы спустим-

ся, возьмем такси и уедем.

Лифт остановился, двери открылись. Выйдя, Стив увидел стоящего метрах в двух от него плотного человека, одетого в серый пиджак, черные брюки и мокасины гуччи. У человека была аккуратная прическа с пробором, маленькие черные усики и карие глаза в узких щелках век. Площадка, на которую выходили двери лифтов, была пуста, кроме них и этого человека, на ней никого не было.

Как только дверь лифта за ними закрылась, человек улыбнулся. Глядя на Инну, что-то сказал по-русски.

– Стив, это он, – прошептала Инна. – Это владелец гостиницы. Осторожней.

– Мне плевать, кто это. – Стив шагнул вперед. – Будьте добры, отойдите. Дайте пройти.

Человек, не глядя, легко оттолкнул его и тут же дал Инне пощечину. Он хотел ударить ее еще раз, но следующим был удар Стива, пришедшийся Буруну точно в челюсть. Удар был сильным, и Бурун, крякнув, осел на пол. Постоял немного на коленях, покачался – и повалился навзничь.

– Бежим... – прошептала Инна. – Бежим скорей.

– Наоборот, пойдем как можно медленней. Так, будто ничего не случилось.

Выйдя в холл гостиницы, они пошли к выходу. Швейцар, получив двадцать долларов, почтительно открыл дверь в тамбур, но как только они вышли на улицу, сзади раздался крик:

– Дмитрий, держи их! Держи! Они не заплатили! Держи их!

Дернув Стива за руку, Инна крикнула:

– Теперь бежим! Скорей к такси!

Подбежав вместе с ней к такси, он открыл дверцу, подождал, пока она сядет, плюхнулся вслед за ней. Инна что-то крикнула таксисту по-русски, тот, дав газу, бросил машину вперед.

Как только они свернули на Садовое кольцо, Инна обняла Стива:

– Только бы уйти, только бы уйти... Если мы сейчас попадемся им в руки, они убьют нас точно. – Обернувшись, некоторое время вглядывалась в даль, закусив губу. – Кажется, они за нами не едут. Хоть бы они за нами не ехали. Хоть бы не ехали.

Заметив, что она смотрит назад, таксист спросил:

– Девушка, из гостиницы за вами, случайно, бежали не люди Буруна?

– Не понимаю. Какие люди Буруна?

– Девушка, не надо. Я слышал, они вам кричали что-то.

– Да, это были люди Буруна. А почему вы спрашиваете?

– Потому что они едут за нами.

– Кто едет за нами?

– Люди Буруна. Я вижу их машину, черный «мерседес».

– О чем он говорит? – спросил Стив.

– О том, что они едут за нами. Они в этой машине, ви-

дишь, сзади едет черный «мерседес»?

Вглядевшись, Стив увидел «мерседес», идущий через машину от них по той же полосе.

– Вижу. Я даже запомнил его номер.

– Если они едут за нами, это очень плохо. – Инна посмотрела на таксиста: – Вы можете от них оторваться?

– Девушка, оторваться от шестисотого «мерседеса» я не могу. Но даже если бы и мог, не стал бы, работа мне дороже.

– Мы вам заплатим сто долларов сверху. Уйдите от них. Сверните в арбатские переулки. Сверните в них, пожалуйста. Мы дадим вам пятьсот долларов, только оторвитесь. Сверните в арбатские переулки.

Несколько секунд водитель раздумывал. Наконец сказал:

– Хорошо. Они сейчас идут в левом ряду, сразу за нами. Перед самым светофором я сделаю вид, что прозевал поворот, и сверну в переулок. Сразу свернуть за мной они не успеют. В переулке я вас высажу. Это все, что я могу для вас сделать.

– Ладно, делайте что хотите, лишь бы уйти от них.

Резко повернув руль, таксист на полном ходу свернул вправо. Сзади раздались гудки, завизжали тормоза, но таксист, лавируя, ухитрился каким-то чудом пересечь проезжую часть Садового кольца. Они въехали в пустынный переулок. Обернувшись, Стив увидел: погони за ними нет.

Судя по всему, таксист был отличным водителем. Сделав еще несколько поворотов по таким же пустынным переул-

кам, он остановил машину. Выключил счетчик, сказал:

– С вас пятьсот двадцать долларов. Двадцать за работу и пятьсот сверху.

– Он просит дать ему пятьсот двадцать долларов, – сказала Инна.

Достав бумажник, Стив отсчитал купюры. Спрятав деньги, водитель сказал:

– Все, девушка, выходите. Иначе и мне, и вам будет плохо.

– Запомни на всякий случай его фамилию, – сказал Стив. – На этой табличке ведь его фамилия?

– Да. Но мне сейчас не до этого. Ради бога, Стив, выходим.

– Выходим. И все же запомни фамилию, он будет свидетелем.

– Хорошо, запомнила. Выходим.

После того как они вышли из машины, такси тут же уехало.

Стив огляделся. Несмотря на июль, воздух был прохладным. В обе стороны тянулась узкая улочка. Он увидел машины, стоящие вдоль тротуаров, редкие фонари, дома. Посмотрел на Инну:

– Может, мы зря поднимаем такую панику?

– Может, и зря. Но я боюсь.

– Вообще, где мы?

– Это арбатские переулки. Я раньше здесь училась. Тут живет много моих знакомых. – Поежившись, обняла руками плечи. – В принципе мы можем к ним зайти. Если, конечно,

они еще здесь живут. В Москве знаешь как все меняется. Прошло ведь почти три года.

Он услышал шум – неподалеку машина шла в их сторону. Инна потянула его к ближайшему подъезду:

– Стив, давай зайдём в подъезд. Это они, я чувствую. Я боюсь.

– Инна...

– Стив, пожалуйста!

Увидев ее лицо, он понял: с ней лучше не спорить. Зашел вместе с женой в подъезд, остановился. Чуть приоткрыл дверь – так, чтобы можно было видеть улицу сквозь крохотную щелку.

Рокот работавшего на малых оборотах мотора приближался. Когда машина прошла мимо, он узнал ее – это был тот самый черный «мерседес». Он определил его по номеру.

– Ну что? – шепотом спросила Инна. – Они?

– Да, ты права, это та самая машина.

– Я так и знала... О господи... Стив, давай поднимемся на второй этаж. Они могут сюда зайти.

– Машина уже уехала.

– Ты их не знаешь, они могут вернуться. Они не успокоятся, пока не найдут нас. Стив, ну пожалуйста. Поднимемся на второй этаж.

– Хорошо, только перестань дрожать. – Нагнувшись, поцеловал ее. – Идем.

После того как они поднялись на второй этаж, она при-

слушалась:

– Кажется, все тихо.

– Конечно. Я же говорю, они уехали.

– Не могу успокоиться. – Посмотрела на него. – Слушай, Стив, я еле стою на ногах. Может, я в самом деле позвоню кому-то из своих знакомых и мы зайдем к ним? Я хоть переведу дух. И вообще, у них мне будет не так страшно.

– Давай, если это удобно.

– Удобно. Я даже знаю, кому позвонить. Каминским. Лене и Игорю Каминским. Это муж и жена, художники, они замечательные ребята. Они живут рядом.

– Очень хорошо. Позвони им.

– Подожди, я должна вспомнить их номер. Дай пока телефон.

Он протянул аппарат. Взяв его, кивнула:

– Вспомнила.

Инна набрала номер подруги, с которой дружила еще со школы. Трубку сняли почти сразу, женский голос, в котором она узнала знакомые интонации, сказал:

– Алло?

– Лена?

– Господи... – Голос подруги прозвучал растерянно. – Инка, неужели ты?

– Я. Я даже не думала, что застаю тебя дома. Я так давно тебе не звонила. Вы не переехали?

– Какое переехали, мы все там же... Откуда ты звонишь?

Из Нью-Йорка? Или с Нантакета?¹

– Нет, я здесь, а Москве.

В трубке наступила пауза.

– В Москве? Вот это да... Вообще, ты откуда звонишь?

Из гостиницы?

– Нет. Представляешь, я рядом. В двух шагах от твоего дома.

– Понятно. Слушай, Инка, что у тебя с голосом? Ты что, охрипла?

– Да нет, все в порядке.

– Господи... Она рядом с моим домом... Инка, так заходи.

– Я бы действительно зашла. А не поздно?

– С ума сошла. У нас с Игорем жизнь только начинается.

– Только я не одна, я с мужем.

– С мужем? С этим... с этим твоим миллиардером?

– Ленка, перестань, при чем тут миллиардер? Он замечательный парень.

– Ладно, я шучу. Как хоть его зовут?

– Стив. Стив Халлоуэй. Значит, мы заходим?

– Конечно. Мы сейчас что-нибудь соберем, поужинаем.

– Не нужно ничего собирать, мы только что от стола. Понимаешь, Ленка... Понимаешь, у нас тут ситуация. Когда мы зайдем, я все объясню.

---

¹ Нантакет, Мартас-Винъярд – острова в районе мыса Кейп-Код, известного своими курортами.

– Хорошо. Давай, мы вас ждем. Дом помнишь?

– Конечно. У вас все еще домофон?

– Да. Нажми кнопку, мы откроем.

– Хорошо. – Отключив связь, посмотрела на Стива: – Они нас ждут.

Спустившись вниз, они вышли из подъезда. Переулок был пуст.

В подъезде шестнадцатипятиэтажного дома, который выходил в переулок, Инна нажала кнопку домофона. Услышав отзыв, сказала:

– Лен, это мы...

Дверь в квартиру была открыта, Игорь и Лена ждали их в дверном проеме. Лена, высокая шатенка с хорошей фигурой, и Игорь, коренастый, с окладистой черной бородой, выглядели идеальной парой.

Пропустив гостей в квартиру, Лена задвинула запор, поставила замок на предохранитель, повесила цепочку. Улыбнулась:

– Стив, у нас повышенные меры безопасности, уж извините. Эта комната считается у нас гостиной, проходите. – Протянула руку: – Лена. А это мой муж, Игорь.

Отметив, что у Лены очень приличный английский, Стив пожал руку сначала ей, а потом ее мужу:

– Очень приятно. Стив Халлоуэй.

– Хотите чего-нибудь выпить?

– Если можно, мартини.

– А тебе, Инна?

– Мне сейчас подошли бы успокоительные таблетки.

– Серьезно?

– Серьезно. Ладно, сделай мне тоже мартини.

Пройдя в гостиную, Инна села в кресло. Стив стал рассматривать висящие на стенах картины. Остановившись у одной, спросил:

– Чьи это работы?

– Лены и Игоря.

– Талантливые художники. Знаешь, я бы даже купил пару картин! Для Нантакета они очень подойдут.

Поставив перед Стивом и Инной мартини, Лена спросила:

– Инна, ты говорила о какой-то ситуации? Что случилось?

– Да ну, глупость... Вляпались в дурацкую историю.

– В какую?

– Сама виновата, я просто забыла, что я в Москве.

– Какая история-то? – спросил Игорь.

– Дурацкая. Мы со Стивом зашли поужинать в «Восточный шатер», а там к нам привязались местные. Те, кто держит ресторан. Если ты понимаешь, что это значит.

– Прекрасно понимаю. Подожди, «Шатер»... Это же гостиница Буруна? Генки Бурунова? Да?

– Ну да. Но я-то об этом не знала.

– Что, он к вам привязался?

– Привязался... Он чуть нас не убил.

– Вы знаете Геннадия Бурунова? – спросил Стив.

– К несчастью... – Лена вздохнула. – Это бывший спонсор картины, на которой мы работали с Инной. Значит, Бурун выступил в своем амплуа?

– Ну да. Послал какого-то ублюдка с требованием, чтобы я села за столик Геннадия Васильевича. Я, естественно, ответила, что не знаю никакого Геннадия Васильевича и никуда не сяду. И сразу же сказала Стиву, что нам лучше уйти. Мы сели в такси, но не успели отъехать, как Бурун выслал за нами погоню на машине. Таксист отказался везти, высадил нас в переулке. Так представляешь, эта машина, шестисотый «мерседес», еще ездила здесь по переулкам, искала нас. Можешь поверить?

– Могу, потому что это вполне в стиле Буруна. А потом?

– Потом я позвонила вам. Все.

Помолчав, Лена сказала:

– Вам нужно остаться у нас.

– Спасибо, Лен, нет. Стив сейчас позвонит в посольство, вызовет машину. И мы поедem к себе, на Пушкинскую, мы там снимаем квартиру. Знаешь, я после всего этого еле держусь. Я бы даже прилегла на некоторое время.

– Так приляг в спальне.

– Не знаю. Может, я еще подержусь. Стив, позвони в посольство, а?

– Сейчас. Лена, вы могли бы написать на бумажке ваш адрес и телефон? Я хочу сказать им точно, куда подъехать.

– Конечно. – Лена подошла к секретеру. Написав адрес и телефон, положила перед Стивом.

С посольством Стив разговаривал довольно долго. Положив наконец трубку, сказал:

– Машина выедет через пятнадцать минут. Американское посольство от вас ведь недалеко?

– Посольство недалеко, но в наших переулках они наверняка запутаются, – заметил Игорь. – Тут и москвичи не могут нас найти. Так что приготовьтесь, придется подождать.

– Ничего, подождем. – Стив посмотрел на Инну: – Может, ты в самом деле приляжешь?

– Да, я полежала бы. Ты выйдешь, встретишь их?

– Конечно, я обязательно их встречу. Я так и договорился с ними. Иди отдыхай.

Проводив Инну в спальню, Лена вернулась:

– Стив, все в порядке. Я дала ей успокоительное, пусть полежит.

Минут пять после этого они сидели, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Наконец, посмотрев на часы, Стив сказал:

– Время. Пойду встречу машину.

– Может, я выйду с вами? – предложил Игорь.

– Спасибо, Игорь, не нужно. Я встречу машину и поднимусь, чтобы забрать Инну.

Проводив Стива до лифта, Лена и Игорь вернулись в гостиную.

Примерно через полчаса раздался телефонный звонок. Трубку снял Игорь.

Звонивший, представившись сотрудником службы безопасности американского посольства, сообщил, что машина посольства, выехавшая встретить мистера и миссис Халлоуэй, уже минут пять ждет их у подъезда. На сообщение Игоря, что мистер Халлоуэй примерно полчаса назад вышел встретить именно эту машину, голос уведомил его, что у подъезда, возле которого стоит машина, мистера Халлоуэя нет.

Игорь тут же спустился вниз. Машина американского посольства действительно стояла у подъезда, но Стива здесь не было.

После примерно пятнадцатиминутных поисков офицер службы безопасности посольства вызвал наряд милиции. Сначала приехали двое патрульных, потом по просьбе охранника они вызвали проводника с собакой. Большая немецкая овчарка, взяв было след, вскоре остановилась. Еще несколько попыток пустить ее по следу также оказались безуспешными. Ничего не дал и дальнейший обход с овчаркой сначала всех этажей на лестничной клетке, а затем ближайших дворов и подъездов.

По звонку прибывшего на место происшествия начальника отделения, полковника милиции, была проверена квартира, которую чета Халлоуэй снимала на Пушкинской площа-

ди. Она оказалась пустой. Других мест, куда в Москве мог бы пойти Халлоуэй, его супруга Инна Халлоуэй, которую разбурили и которая находилась в состоянии истерики, назвать не смогла. В Москву Стив Халлоуэй, как она объяснила, приехал впервые, и знакомых здесь у него не было. Запросы о человеке, хоть чем-то напоминающем Стива Халлоуэя, сделанные во все московские отделения милиции и городские морги, также дали отрицательный ответ.

Итогом безуспешных поисков стал протокол, составленный совместно работниками посольства и милицией. Этот протокол подтверждал, что президент и владелец банковской корпорации «Атлантик Америкэн траст бэнк», гражданин США Стив Халлоуэй, выйдя в Москве из квартиры И.И. и Е.А. Каминских, бесследно исчез.

Глава 2

Сидя за рулем, Павел Молчанов гнал «вольво» по Старокалужскому шоссе к даче, которую он наконец-то построил.

Там, на даче, его сейчас ждали два самых близких ему человека, Оля и Сергей Петрович Радич.

Павел Молчанов был москвичом, но самым тесным образом был связан с маленьким провинциальным Рыбинском – потому что и мама, и отец были из Рыбинска. Отец был намного старше мамы, он преподавал в МГУ скандинавские языки, а мама была там студенткой. Случай, а может, что-то большее, чем случай, свел их в Москве. Они поженились, родился он. Он помнит, каждое лето, пока ему не исполнилось десять лет, они обязательно всей семьей приезжали на два месяца на каникулы в Рыбинск, где жили в доме его деда, отца матери, у самого водохранилища. Там он научился плавать, грести, ходить под парусом. Счастливое было время...

Внешне он был похож на деда, который любил объяснять, что они происходят от архангельских поморов. У Павла был такой же, как у деда, высокий рост, такой же прямой нос с широкими ноздрями и небольшой горбинкой, такие же блекло-голубые глаза под сильно выступающими надбровными дугами, такой же твердый подбородок – признак, равно отличающий как упорных людей, так и просто упрямцев. Волосы маленького Павлуши были белее снега, лишь позже, когда он

стал взрослеть, приобрели темно-соломенный оттенок.

Когда Павлу исполнилось десять, его отца пригласили преподавать скандинавские языки в США, в Гарвардский университет. До пятнадцати лет Павел, или Пол, как его там звали, ходил в американскую школу. Когда контракт отца в Гарварде закончился, отец отказался от нового контракта, и они вернулись в Москву. По-английски Павел к тому времени говорил свободно, так что мог выбрать любой языковой вуз. Он выбрал Военный институт иностранных языков.

После окончания института он некоторое время работал переводчиком в Генеральном штабе, его должны были послать на работу в постоянное представительство России в ООН. Но вместо этого он попал на Высшие курсы усовершенствования офицеров воздушно-десантных войск, после которых сразу оказался в составе российских миротворческих сил.

После двух лет, проведенных в спецчастях, его уволили без сохранения льгот и пенсии – за рукоприкладство в отношении старшего по званию. Он был капитаном, а ударил майора, дежурного по части. Ударил за дело и сейчас не раскаивается.

Потом, уже в Москве, ему позвонил Сергей Петрович Радич, служивший в штабе этой же части. Радич объяснил, что, узнав о случае с рукоприкладством, пытался отстоять Молчанова, а когда это не получилось, сам подал в отставку. К тому времени Павел уже подумывал о том, чтобы открыть

частное охранно-детективное агентство. Он сказал об этом Радичу, тот его поддержал. Добавив к своим деньгам ссуду, взятую в банке, они открыли агентство, причем Радич настоял, чтобы формально руководителем агентства считался Павел Молчанов. Чуть позже Радич привел в агентство своего дальнего родственника Костомарова, лучшего в Москве адвоката по уголовным делам, и дела пошли.

А потом он встретился с Олей.

Оля была его болью и радостью, его горем и счастьем. Фамилия Оли была Добродеева, она приехала в Москву из Челябинска. Сейчас ей двадцать четыре года. В ее лице было много восточного, скорее всего, татарского. Впрочем, так же, как за татарку, ее с равным успехом можно было принять и за итальянку, и за испанку, и за француженку. В Москву она приехала в восемнадцать лет и сразу же вышла замуж за канадца, который увез ее в Монреаль. Выдержать супружескую неволю в Монреале она смогла лишь два года, после которых бросила мужа и сбежала назад в Москву. Почти тут же, как ему рассказывали, у нее начался в Москве какой-то безумный роман с богатым англичанином, который закончился ничем. Потом она вышла замуж за известного московского кинорежиссера – у этого кинорежиссера Молчанов ее и увел.

С режиссером Оля развелась, но официально выходить замуж за Молчанова не хотела. На все его разговоры на эту тему она говорила с улыбкой: «Паша, ладно тебе... Хватит с

меня замужеств... Поживем так, тебе что, плохо?»

Нет, ему совсем не было с ней плохо. Он был счастлив. Ко всему остальному как-то незаметно добавлялось то, что Оля идеально подходила на роль секретарши агентства. Имея за плечами только среднюю школу, она блестяще справлялась с компьютером и безупречно работала с документами. Несмотря на ее сопротивление, он постепенно научил ее многому из того, чему сам научился в спецназе ВДВ и что для работы в охранно-детективном агентстве было необходимо – стрелять, водить любую машину, распознавать наружное наблюдение, уходить от слежки, маскироваться, знать основы шифровки. Конечно, профессионалкой она не стала, но то, что она умела делать сейчас, его устраивало.

Свернув у указателя «р. Пахра» на боковую дорогу, он мимо двух поселков и стоящих особняком дач вырулил наконец к излучине реки. Остановил машину у ворот, посигналил – и примерно через минуту створки раздвинулись. После того как он въехал на участок, стоящая на веранде Оля подошла к машине. Когда он вышел, развела руками:

– Паша, просто чудеса в решетке.

– А что?

– Я увидела твою машину на мониторе. Нажала кнопку – и ворота раздвинулись.

Молчанов усмехнулся. Землю он выбирал сам – отличный участок, около ста соток спускающегося к реке косогорья. Двухэтажный дом окаймляла защищенная от дождя и солнца

открытая веранда. У реки была поставлена настоящая русская баня. Весь участок был огражден специальной оградой с вмонтированными в нее видеокамерами и микрофонами.

– Да ну, какие чудеса? Ты просто еще не успела привыкнуть к новой технике. Костомаровы приехали?

– Еще нет, но Костя только что звонил, они уже на подъезде, будут минут через двадцать. Паша, знаешь, я без твоего согласия пригласила еще одного человека. Для ровного счета.

– Пригласила, значит, пригласила. Кто это?

– Очень красивая женщина, моя подруга. Ее зовут Инна.

– Откуда она взялась, эта Инна?

– Приехала из Америки. У нее к тебе дело, только знаешь, я тебе потом все объясню, хорошо? Я занята, да и у тебя есть дела.

– Хорошо, договорились.

Вскоре после Молчанова на дачу приехала чета Костомаровых.

Поставив свой изрядно потрепанный «понтиак» на участок, Костя вышел из машины. Оглядевшись, сказал:

– Ребята, дача просто класс. А, Полина?

Полина, с легкой улыбкой посмотрев на мужа, кивнула:

– Да, мне дача тоже нравится. Молодцы, ребята.

– А теперь за дело. – Открыв багажник, грузный и высокий Костомаров не без усилия достал огромную, литров на

двадцать, металлическую кастрюлю. Сверху кастрюля была закрыта парусиной, обмотанной для надежности веревкой.

– Что это? – спросила Оля.

– Шашлык. Мариновал сам. Мы же отмечаем постройку дачи?

– Отмечаем. Но только, Костя, ты с ума сошел... Как мы все это съедим?

– Когда увидишь шашлык на шампуре, только что снятый с мангала, заговоришь по-другому. – Костомаров поставил кастрюлю на асфальт. – Сколько будет народа?

Радич, который приехал раньше и сейчас, подойдя к воротам, наблюдал за прибытием Костомаровых, сказал:

– Шесть человек. Оля права, мы в жизни столько не съедим.

– Сергей Петрович, от вас ли я слышу? Шесть человек... Нам еще не хватит. А кто шестой?

– Моя приятельница, – сказала Оля. – Приглашена для четного числа.

– Понятно. То есть для Сергея Петровича.

Радич покачал головой:

– Костя, побойся Бога, не гони волну.

– А что?

– Оля сказала, ей двадцать пять лет. Я гожусь ей в отцы.

– Я ее знаю, твою приятельницу? – спросил Костомаров.

– Ее никто не знает. – Молчанов обнял Олю. – От Оли мне только известно, что это очень красивая женщина. Да, Оля?

– Паша, тебе ничего нельзя говорить. Вообще, я тебе потом объясню кое-что.

– Ладно, договорились.

– А сейчас давайте накрывать на стол. Предлагаю поставить стол прямо здесь, на веранде. – Оля обняла худенькую Полину за плечи: – Полина, как ты думаешь?

– Думаю, это будет очень хорошо. Идем, я тебе помогу.

– Давайте, – глядя им вслед, покровительственно сказал Костомаров. – А я пока буду разжигать мангал.

Застолье было в самом разгаре, когда у ворот послышался шум мотора.

– Наверное, это Инна. – Оля посмотрела на Молчанова: – Встретишь?

– Конечно.

Встав из-за стола, Молчанов подошел к воротам и открыл дверь. Стоящая рядом с такси молодая женщина была одета в джинсовое платье-сарафан, из-под которого выглядывала белая блузка. Женщина была среднего роста, русоволосой, светлоглазой, стройной. Она действительно была очень красива. Причем ее красота была не яркой и вызывающей, а мягкой, сдержанной.

Увидев его, женщина улыбнулась:

– Простите, это дача Молчановых?

– Да, это дача Молчановых. А вы, наверное, Инна?

– Да, я Инна. Я задержалась, таксист долго не мог найти

дачу. Подождете, я отпущу такси?

– Конечно. – Он подождал, пока она расплатится с таксистом. Протянул руку: – Павел, муж Оли.

– Очень приятно, Инна. – Он ощутил легкое, но твердое пожатие. – Инна Халлоуэй. Раньше была Инна Симбирцева. Оля вам, наверное, говорила.

– Да, Оля мне все объяснила. Проходите, мы вас ждем. – Пропустил ее в дверь. – К счастью, еще не все съедено и выпито.

– Я знаю, у вас какое-то торжество. – Сделав несколько шагов по дорожке, остановилась. – Павел, Оля вам говорила, у меня к вам дело?

– Говорила. Только, Инна, о деле потом. Проходите, садитесь за стол. А там разберемся.

После того как Оля представила гостью, застолье продолжилось.

Понаблюдав за Инной, Молчанов отметил про себя, что гостья держится совершенно естественно и не выглядит здесь чужой. В конце концов даже обычно несловоохотливый Радич начал ей что-то увлеченно рассказывать.

В один из моментов, когда часть гостей встала из-за стола, Оля сказала еле слышно:

– Паша... надо поговорить.

– Я уже понял. Инна?

– Да. Может, отойдем?

– Давай. – Он отошел вместе с ней в сторону. – В чем ее

проблема?

– У Инны пропал муж.

– Понятно. Старая история.

– Паша, перестань, это серьезно. Еще не все ясно, но, похоже, ее мужа убили.

– Даже так?

– Да, даже так. Она хочет заключить с нашим агентством официальный договор, деньги у нее есть, ее муж крупный банкир.

– Да? – Он обнял Олю за плечи. – Ну что ж, я не против. Только почему она пришла именно сюда, а не в агентство? Что за надобность такая?

– Она боится деловых. Ты ведь знаешь, кто такой Бурун?

– Конечно.

– Так вот, очень похоже, ее мужа убил Бурун. Вообще, она сейчас скрывается, живет в американском посольстве, почти не выходит. Кстати, она спрашивала меня, можем ли мы разрешить ей пожить немного здесь, на даче. Естественно, не даром. Как ты?

– Я не против, пусть поживет.

– Вообще, что я тебе объясняю? Поговори с ней сам.

– Поговорю. Ты давно ее знаешь?

– Года четыре. Мы познакомились на «Мосфильме», она там снималась. Сама она из Нижневартовска, это в Тюменской области. Занималась гимнастикой, еще девочкой ее взяли в Москву, в школу олимпийского резерва. После школы

она бросила спорт и поступила в Шукинское училище, стала сниматься в кино. Вышла замуж за американца, владельца крупного банка. Такие дела.

– Какого ты о ней мнения?

– Хорошего. Она спокойная, выдержанная. Сколько я ее помню, она меня никогда не подводила. Да и вообще она очень хорошая девчонка.

– Понятно. – Молчанов подошел к столу, за которым оставались сейчас только Радич и Инна. – Сергей Петрович, можно я украду у вас вашу собеседницу?

– Да, конечно. – Радич встал. – Инночка, прошу. Вы поступаете в распоряжение Павла.

Инна посмотрела на Молчанова:

– Мы можем где-то поговорить?

– Да. У меня тут есть что-то вроде кабинета, поговорим там.

В кабинете Инна долго сидела, упершись локтями в колени, с отсутствующим взглядом. Наконец, не глядя на него, спросила еле слышно:

– Вы можете разыскать пропавшего человека?

– Могу. Не всегда, но могу.

– Оля вам сказала, что у меня пропал муж?

– Сказала.

Снова застыла.

– Знаете, Павел, с виду я выгляжу рохлей. Так ведь?

– Ну... не знаю. Мне не показалось.

– Нет-нет, я выгляжу рохлей. Я знаю. Вообще, многие считают меня рохлей. Но я совсем не рохля.

– Охотно верю.

– Когда надо, я умею постоять за себя. – Помолчала. – Павел, сейчас я должна постоять не за себя, а за Стива. За своего мужа. Он попал в беду, хотя вообще-то... Вообще-то я уверена, что его давно уже убили. И если честно, все случилось из-за меня.

– Из-за вас?

– Да. Как-то все нелепо получилось. В общем-то во всем виновата я. Хотя я даже не думала, что все так кончится.

– Может, расскажете подробней?

– Ну... мы со Стивом поженились три года назад, после этого я с ним все время жила там, в Америке. Очень хотела выбраться сюда, в Россию, но знаете, как это бывает... Все время откладывали. И вот наконец приехали в Москву. Четыре дня назад я решила показать ему старый Арбат, я там когда-то училась. Посмотрели, потом зашли поужинать в ресторан «Восточный шатер», это рядом с Арбатом. Ну а там... там, на наше несчастье, оказался мой знакомый, владелец ресторана. Хотя вообще-то он бандит. Страшный бандит.

– Владелец «Восточного шатра», насколько мне известно, Геннадий Бурунов.

– Да, Геннадий Бурунов. Вы его знаете?

– Геннадий Бурунов, он же Бурун, – один из крупнейших криминальных авторитетов Москвы. Я просто обязан его знать. Вы сказали, это ваш знакомый?

– Когда-то, еще до отъезда в Америку, я снималась в одной картине. На «Мосфильме». Бурунов был спонсором этой картины. Ну и... тогда он начал за мной усиленно ухаживать. Безуспешно, конечно. Он просто вился около меня, дарил цветы. Один раз, когда была премьера картины, привез меня в Дом кино. До сих пор жалею, что позволила ему это сделать. Хотя, конечно, какие-то авансы я ему тогда давала. Была душой, девчонкой. Отвечала на его телефонные звонки. Принимала цветы, которые он мне присылал.

– Значит, вы с мужем зашли в ресторан...

– Да. Примерно через полчаса к нашему столику подсел человек и сказал, что Геннадий Васильевич Бурунов велел передать мне, чтобы я села за его столик. Естественно, я отказалась. Вообще, я сказала, что не знаю никакого Геннадия Васильевича Бурунова. Человек ушел, а потом вернулся снова, с тем же требованием. Вы понимаете, рядом же сидит мой муж, Стив. Он американец, он даже представить не может, что в ресторане такое может происходить. Он сидит, ничего не понимает. Я повторила этому человеку, что не знаю никакого Геннадия Васильевича и никуда не пойду. Человек ушел, предупредив, что у нас будут неприятности. Я тут же сказала Стиву, что мы должны уйти. Мы сели в лифт, а когда вышли из лифта, там стоял Бурунов. Он начал меня оскорб-

лять, ударил. Стив ударил его, Бурунов упал. Как я поняла, он вообще отключился. Потом, когда мы стали выходить из гостиницы, за нами кто-то погнался, стал кричать швейцару, чтобы тот задержал нас. Мы сели в такси, но, как только отъехали, таксист сказал, что за нами едет машина с людьми Бурунова. И отказался везти.

– Вы видели эту машину?

– Да. Это был черный «Мерседес-600».

– Номер запомнили?

– Нет. Номер запомнил Стив, но... Стива уже нет.

– Понятно. Значит, таксист отказался вас везти...

– Да. Он высадил нас в переулке около старого Арбата. И тут же уехал.

– Номера такси вы тоже не запомнили?

– Запомнила. И фамилию таксиста запомнила, меня заставил Стив. Фамилия таксиста Родионов, номер такси – «97–14 ММТ». Но я теперь хорошо знаю, на что способен этот Родионов. После беседы со следователем.

– Почему после беседы со следователем?

– Потому что таксист там такое наговорил...

– Хорошо, к следователю мы еще вернемся. Что было потом?

– Такси уехало, мы стояли в переулке, было уже поздно, народу кругом никого. Тут еще черный «мерседес», который за нами гнался, стал ездить по переулкам. Я, конечно, была страшно напугана, я ведь отлично знаю, что такое москов-

ские деловые. Они могут убить просто так, ни за что, только за то, что ты на них косо посмотрела. Ну а тут – я сначала отказалась сесть за столик их пахана, а потом Стив выключил этого пахана одним ударом. Такое у них не прощается. Но Стив всего этого еще не понимал. Хорошо, в этих местах, в арбатских переулках, у меня много знакомых. Я говорю Стиву: давай позвоню кому-то, зайдем, отсидимся, заодно вызовешь машину из посольства. Позвонила Лене Каминской, своей подруге, мы со Стивом зашли к ним. Стив позвонил в посольство, вызвал машину. Я, конечно, к тому времени была в ужасном состоянии, прилегла в спальне, Лена дала мне седуксен. Я задремала, вдруг в спальню входит Лена и говорит: Стив пропал. Я говорю: как пропал? Так, вышел встречать машину из посольства и пропал. Я, конечно, вскочила, выбежала на улицу. Там люди из посольства, милиция, проводник с собакой. А Стива нет. Ну и... – Инна замолчала. – Все. Он пропал.

– По этому поводу ведется следствие?

– Да, конечно. Меня три дня подряд вызывали в милицию. Я сообщила следователю обо всем. О том, что было в ресторане, о том, как таксист отказался нас везти, о том, как черный «мерседес» сначала ехал вслед за нами, а потом ездил по переулкам и искал нас. Он, конечно, все записал, сказал, что примет к сведению, но я видела: он этому не придает значения. Во второй раз он вообще меня слушал вполуха. Как я поняла, следователя волнует только одно: как бы чего

не вышло. О том, что в Москве пропал мой муж, написали несколько американских газет, посол каждый день звонит в МВД, просит ускорить расследование, но там говорят, что следствие и так ведется ускоренно. Но я ведь вижу, следствие идет совсем не в ту сторону. Бурунова в расчет они вообще не принимают. Все делается формально. Следователь сообщил мне, что допрашивал Родионова и тот сказал, что да, он нас вез, но никакой погони за нами не было, он в глаза не видел никакого черного «мерседеса». А в арбатских переулках он нас высадил по нашей просьбе. Бурунова следователь тоже допрашивал, так тот сказал, что вообще обо всей этой истории слышит впервые. Бурун утверждает, что меня к своему столику не приглашал и даже не видел, что я в ресторане, и вообще в тот вечер он из ресторана не выходил. У него есть свидетели, которые это уже подтвердили. Да ему и не нужно было выходить из ресторана. Он послал своих убийц, они сделали свое дело и скрылись.

– Скажите, а эти ваши знакомые, Каминские, они не могут быть связаны с Буруновым?

– Нет.

– Вы уверены?

– Уверена. Это очень порядочные ребята, талантливые художники, известные в Москве.

– Талантливые художники – еще не гарантия.

– Нет, это абсолютно исключено. Лена моя лучшая подруга. Да и Оля знает Лену, они в прекрасных отношениях.

Спросите у нее.

– Я правильно понял – Каминские Бурунова не знают?

– Нет, Лена его знает. На картине, в которой я снималась и которую Бурунов оплачивал, она была вторым художником.

– Значит, Бурунов может знать их адрес?

– Ну... в общем, да. Может. – Помолчала. – Вы думаете, он мог навести по их адресу своих людей?

– Пока трудно что-то говорить. Но такое не исключено.

Сколько лет вашему мужу?

– Тридцать девять.

– Со здоровьем у него все в порядке?

– Все в порядке. Он всю жизнь занимался спортом.

– Прошу прощения, дети у вас есть?

– Нет, детей у нас нет.

– Как вы узнали о нашем агентстве?

– Очень просто. От отчаяния я стала обзванивать всех своих бывших подруг, и когда позвонила Оле, узнала, что ее муж – директор детективного агентства. Вот я и решила обратиться к вам. Я не знаю, какие у вас здесь расценки, но если за поиски мужа я предложу вам сто тысяч долларов – это будет нормально?

– Инна... конечно, сто тысяч долларов – большой гонорар. Но я хочу быть с вами предельно откровенным. Подумайте.

– Подумать о чем?

– Если все, что вы рассказали, правда, а я думаю, что это правда, вашего мужа уже нет в живых. Его убили, и убили,

без сомнения, по указанию Бурунова. Причем, скорей всего, сделали так, чтобы невозможно было найти его тело. Конечно, я могу провести расследование, возможно даже, я найду десяток-другой улик и свидетельств, подтверждающих, что вашего мужа убил Бурунов. Но даже если это мне удастся, уверяю вас – дело до суда не дойдет. А если и дойдет, адвокаты Бурунова легко докажут, что к исчезновению вашего мужа он не имеет никакого отношения. Получится, что за эти сто тысяч долларов я буду собирать свидетельства, имеющие ценность только для вас. Вы готовы на это?

– Я на это готова, но дело совсем не так безнадежно, как вы думаете. Если вам удастся собрать серьезные доказательства и улики, что Стива убили по указанию Буруна, и они не подействуют на российский суд, я передам их в американские и европейские газеты – не сообщая, естественно, каким образом эти улики и доказательства ко мне попали. «Восточный шатер» – совместное предприятие, так вот, Буруна после этого не пустят ни в одну цивилизованную страну. Международные деловые круги поставят на нем жирный крест. – Она вдруг посмотрела на него так, что ему показалось: в ее глазах пляшут бесенята. – Павел, может, я в чем-то и рохля, но убийства мужа, которого здесь, в Москве, зарезали, как барана, совершенно ни за что, я не прощу. Никогда. – Помолчав, достала из сумочки чековую книжку, написала сумму, расписалась. Оторвав чек, положила его на стол. – Давай-те сразу покончим с денежными делами. Это аванс, пятьде-

сят тысяч долларов. Чек именной, от банка «Атлантик америкэн». Остальное я заплачу, когда дело будет закончено.

– Хорошо, завтра я отдам чек нашему бухгалтеру, мы его оприходуем. И, Инна...

– Да?

– То, что мы с вами заключили договор о розыске вашего мужа, должно быть нашей с вами тайной. Думаю, вы понимаете почему.

– Прекрасно понимаю.

– Уж, во всяком случае, не говорите об этом никому из ваших знакомых.

– Павел, конечно.

– Вообще, я надеюсь на вашу помощь во время расследования.

– Я сделаю все, что вы попросите. Все, что от меня зависит. и вот еще что. Знаете... мы со Стивом снимали квартиру на Пушкинской, но вернуться туда я не решилась. Посол сжалился и отдал мне номер в гостинице при посольстве, но постоянно жить там я не могу. В обычной же московской гостинице, я знаю, Бурун меня легко найдет. И со мной может произойти то же, что со Стивом. Я могла бы какое-то время пожить здесь, у вас? На этой даче? Само собой, за это я заплачу отдельно.

– Конечно. После вашего рассказа я бы сам вам предложил пожить. Ночевать с Олей мы будем с этого дня здесь.

– Ну вот. Из-за меня?

– Инна, дачу все равно надо обживать. Значит, об основном мы договорились?

– Договорились.

– Тогда присоединяйтесь к обществу. Вы вроде нашли общий язык с Сергеем Петровичем?

– Да. Он очень милый человек.

– Так попросите его съездить сегодня с вами за вещами. Пусть прямо сейчас отвезет вас в Москву и вернется сюда. Чтобы завтра, в понедельник, об этом не думать.

– А это удобно?

– Конечно, он будет только рад. Завтра к вечеру, я думаю, я привезу сюда смотрителя с собакой. А днем, пока нас не будет на даче, мы будем вам звонить.

Глава 3

Свою машину к стоянке такси возле гостиницы «Восточный шатер» Петр Родионов подогнал в семь тридцать утра. Он рассчитывал, что будет первым, но немного не угадал – когда он подъехал, на стоянке уже стояла одна машина. Однако вскоре, взяв седока, машина уехала, оставив его «Волгу» на стоянке в гордом одиночестве. Именно это одиночество Родионова и устраивало. Он знал, что богатые постояльцы, живущие в гостинице, в основном иностранцы, в понедельник рано утром отправляются по своим делам или, что ещё лучше, торопятся в аэропорт. И был убежден: то, что он встал сегодня на заре, окупится.

Утро было свежим, и Родионов, прикрыв окошко, включил музыку. Правда, долго слушать любимую певицу ему не пришлось. Вскоре стеклянные двери гостиницы открылись и оттуда вышел высокий человек в хорошем костюме. Человек нес большой букет роз, держа его одной рукой снизу, а второй бережно придерживая сверху.

«В десятку, – подумал Родионов. – Карась».

Направившись прямо к его такси, человек пригнулся. У него были небольшие пшеничные усики и почти немигающие карие глаза. Под правым глазом можно было заметить небольшой крестообразный шрам.

– Привет, шеф. До Шереметьева добросишь?

– Почему не добросить? Цену знаете?

– Конечно. Даю столярник.

Сто долларов до аэропорта Шереметьево было очень хорошей ценой. Тем более что столько же он мог заработать на обратном пути, взяв седака в аэропорту.

Родионов кивнул, и человек, открыв дверцу, сел рядом с ним.

Некоторое время он ерзал на сиденье, размещая букет на коленях. Букет был огромным, и розы на его коленях едва помещались. Посмотрел на Родионова:

– Любимой женщине цветы везу, понял, шеф? Как розы-то?

– Нормальные розы. – Родионов хотел было включить счетчик, но, взявшись рукой за тумблер, на мгновение задержался – почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в правый бок. «Ну и розы у этого типа», – успел он подумать и тут же услышал два сухих щелчка. Одновременно с этим грудь пронзила страшная боль. «Розы... – пронеслось в голове. – Розы...» После этого свет в его глазах потух. Навсегда.

Сделав два выстрела из спрятанного в букете пистолета с глушителем, человек, сидящий рядом с Родионовым, осторожно поправил съехавшее на него тело. Огляделся.

Возле стоянки никого не было. Тем не менее человек еще несколько секунд сидел, внимательно вглядываясь в зеркало заднего обзора. Затем открыл дверцу. Все так же бережно придерживая букет роз, вышел из машины. Аккуратно за-

крыв дверцу, огляделся, будто решая, что ему сейчас делать. Встряхнув головой и заботливо оберегая розы, пошел в сторону Садового кольца. Дошел до светофора, остановился на секунду – и, не оглядываясь, скрылся за углом.

Примерно через пятнадцать минут к стоянке подъехало два такси. Соблюдая неписаное правило, обе машины заняли очередь за машиной Родионова.

Довольно скоро сюда подошла вышедшая из гостиницы пожилая дама с тойтерьером на руках. Остановившись у первой машины, пригнулась, постучала в стекло. Водитель, на ее взгляд, вел себя в высшей степени нагло. Навалившись на руль, он не отзывался на ее стук. Убежденная, что водитель спит, дама сказала раздраженно:

– Эй, водитель! Проснитесь! Вы слышите?

Поскольку дама продолжала стучать, водитель второй машины, высунувшись из окошка, крикнул:

– Да откройте дверцу, потряните его! Заснул человек, бывает.

– Заснул... – Вглядевшись, дама сообразила наконец, что с водителем не все в порядке. Оглянулась: – Посмотрите, там что-то с вашим товарищем.

– А что?

– Он не реагирует.

– Как не реагирует?

– Так. Да говорю я вам, посмотрите. С ним что-то не то.

– Да ну... – Выйдя из своей машины, водитель подошел к

такси Родионова. Открыл дверцу, всмотрелся. Тронул тело за плечо: – Эй, Петруха...

Тело, потеряв равновесие, мягко съехало ему под ноги. Сделав шаг назад, водитель прошептал:

– Блин, да он мертвый...

Утром в понедельник, закончив в агентстве подробный рассказ о том, что он услышал вчера от Инны Халлоуэй, Молчанов оглядел собравшихся.

Оля сидела в кресле с бесстрастным лицом, Радич, по обыкновению, делал вид, что занят своей трубкой, Костомаров, изредка поправляя большим пальцем очки, сосредоточенно рассматривал стоящую перед ним чашку с кофе. Эту чашку он принес с собой, когда Молчанов попросил его зайти в кабинет.

– Тягостное молчание, – вздохнула Оля. – Значит, случай тяжелый.

– Да никакой он не тяжелый. – Костомаров в очередной раз тронул дужку очков. – Я знаю Буруна и знаю, что удара в челюсть он не простит. Разборка в общем-то простая, американец, выйдя встречать свою машину, стоял один, они его оглушили, затащили в машину и сразу же повезли в крематорий. По дороге убили, труп сожгли. Все. Концов нет. Никакое детективное агентство, никакая милиция, даже ФСБ никогда ничего не найдут.

По молчанию остальных было ясно: спорить с ним никто

не собирается.

– Сергей Петрович, а вы что думаете? – Не дождавшись ответа, Павел вздохнул. – Братцы, только не молчите. Сегодня будет оформлен договор, Инна уже выплатила нам аванс, пятьдесят тысяч баксов. Вся сумма – сто тысяч. Давайте скорее все обговорим и начнем работать.

Не отрываясь от изучения трубки, Радич спросил:

– Мы должны выяснить, куда делся Халлоуэй?

– Не обязательно. В основном от нас требуется найти улики и доказательства, что к исчезновению Халлоуэя приложил руку Бурун.

– Что, этого достаточно?

– Как минимум, достаточно. Мне кажется, мы можем что-то сделать.

– Но в суд Буруна нам не удастся затащить никогда, – сказал Костомаров. – Не обольщайся.

– Я не обольщаюсь, да Инна такое условие и не ставит, – сказал Молчанов. – Получится с судом – хорошо, не получится – не надо. Нужны улики и доказательства, которыми Инна смогла бы распорядиться по своему усмотрению. Я понятно объясняю?

– Объясняешь ты понятно, но я не очень понял.

– Так подумай. Для чего еще могут понадобиться улики и доказательства, если не для суда?

Тронув дужку очков, Костомаров кивнул:

– Ну... если все это будет у нее на руках, она может отдать

это в печать. У себя, в Штатах. И тем самым прижмет Буруну хвост. Да?

– Ты понял правильно. Мы можем с этим справиться?

– Думаю, можем. Кстати, ты спрашивал у Инны, кто, в случае смерти ее мужа, унаследует банк «Атлантик Америкэн»?

– Не спрашивал. Но ответ, как я понимаю, здесь может быть только один: она.

– Не обязательно. Муж по завещанию мог оставить банк другим родственникам. Детям от брака с Инной или от других браков, родителям, братьям, сестрам. Если они есть.

– А если их нет?

– Если их нет, тогда действительно банк по закону должен перейти к Инне, как к ближайшей и единственной родственнице. Причем вне зависимости от завещания.

– На эту тему я с Инной еще не разговаривал. Единственное, что я знаю, что детей у них с мужем нет. Все это я у нее выясню, пока же давайте займемся делом. И распределим задачи. Пока у нас есть два наиболее плодотворных участка – Каминские и таксист Родионов. Оля, ты ведь знакома с Каминскими?

– Знакома. Главным образом с Леной. Правда, давно с ней не виделась.

– Это не страшно, главное, ты их знаешь. Позвони Лене, скажи, что хотела бы поговорить. Поговори с ней нормально, в открытую. Уверен, у тебя это получится.

– Что значит – в открытую? Она же знает, что я работаю

в детективном агентстве.

– Но при этом ты ее подруга. Так вот, поговори с ней как подруга с подругой. И не забывай время от времени звонить Инне на дачу. Все же она там одна.

– Хорошо, не забуду.

– Я займусь таксистом Родионовым. Костя, ты среди братьев человек свой, постарайся найти кого-то из буруновского окружения, с кем бы ты мог поговорить по душам. Есть у тебя там люди?

– В принципе есть. Но если они поймут, что именно я хочу выяснить, они не скажут ни слова.

– Никаких особых тайн из этих людей вытягивать не нужно. Просто попробуй узнать, что произошло в тот вечер, когда Буруна нокаутировали. Может, его даже и не нокаутировали. Так выясни, что вообще там было. Желательно, чтобы ты это не откладывал.

– Хорошо, попробую.

– Сергей Петрович, вы у нас отвечаете за связи с МВД. Надо бы достать материал, который у них есть на Буруна.

– Хорошо.

– Только постарайтесь, чтобы они не поняли, что мы занимаемся пропажей Халлоуэя.

– Они не поймут. Я вообще не буду упоминать Халлоуэя. Зачем?

– Правильно. Нам сгодится любой материал на Буруна, но не официальный материал, который они обычно присылают

по запросу и от которого мало толку. Постарайтесь выяснить что-нибудь на неформальном уровне. Мало ли, вдруг что-то зацепится? Может, поговорите с Катышевым? Он ведь занимался Буруном.

Подполковник Катышев был заместителем начальника пресс-центра МВД и по совместительству курировал некоторые охранно-детективные агентства, в том числе и «Охранник».

– Хорошо, я поговорю с Катышевым.

– И еще одно, Сергей Петрович. Слава Угрюмцев, он как, еще существует?

– Существует.

– Собака по-прежнему при нем?

– По-прежнему.

– Позвоните ему и договоритесь насчет работы, ну, скажем, пока на месяц. Я хочу на это время поселить его на даче, с Инной. Для большей безопасности.

– Разумное решение. Хорошо, я ему позвоню.

– Отлично. – Молчанов встал. – Ну что, братцы, отправляемся каждый по своим делам.

Насчитав десять долгих гудков, Оля положила трубку и набрала номер Каминских снова.

На этот раз на восьмом гудке трубку взяли. Она узнала голос Лены:

– Да?

– Лен, привет. Я тебя разбудила?

– Оля Добродеева... О господи... – Наступила долгая пауза. – Слушай, у тебя совесть есть?

– А что?

– Сломала мне весь сон.

– Лен, уже двенадцать.

– Двенадцать... А я легла в шесть. Ладно, прощаю.

– Куда ты пропала? Я пыталась дозвониться тебе по старым телефонам, так тебя нигде нет. Напрочь исчезла с горизонта. Что у тебя вообще? Наверняка снова замужем?

– Почти. Лен, я звоню по делу. Я хотела бы с тобой встретиться. Причем чем скорее, тем лучше.

– А что нужно-то?

– Нужно поговорить.

– Подожди, дай соображу. Я ведь только проснулась. Но вообще я тоже хотела бы с тобой увидеться.

– Так давай увидимся. Мне много не нужно, полчаса. Может, подойдешь в «Арбатское»?

– В «Арбатское»?

– Да. Я угощаю. Ударим по кофе, заодно пообщаемся. Это ведь рядом с тобой.

– Ладно. Только я смогу подойти не раньше чем часа через два. Устраивает?

– Устраивает. Значит, в два в «Арбатском».

Лена Каминская вошла в кафе «Арбатское» в пять минут третьего. Подойдя к столику, за которым ее ждала Оля, по-

качала головой:

– Ну ты просто расцвела. Топ-модель, честное слово.

– Перестань. Давай садись. Я уже все заказала. – Кивнула в сторону кофейника и вазончика с пирожными: – Пей кофе, его только принесли. И вот «наполеоны», я знаю, ты их любишь.

– Люблю, но что будет с моей талией?

– Один раз можно. Давай я тебе налью.

– Давай. – Лена придвинула чашку. Попробовав кофе, кивнула: – Пить можно. Не суррогат.

– Да, кофе здесь настоящий. Как вы вообще? – Оля пригубила из своей чашки. – Как Игорь?

– Ничего. Работаем вместе.

– По-моему, вы начинаете пробиваться? Про вас пишут. Я читала в газете рецензию на вашу выставку.

– Оля... рецензия на выставку очень далека от слова «пробиться». Но изредка картины у нас покупают. Ладно, кончай с подходом. Давай о деле.

– Давай. – Оля помедлила, пытаясь найти верный тон. – Я вчера виделась с Инной Симбирцевой. Она мне рассказала о том, что произошло, когда она зашла к вам в гости. И о том, как у нее пропал муж.

– Не могу уже об этом слышать. – Лена поставила чашку. – Мне, конечно, жаль Инку, она все-таки моя лучшая подруга. Но знаешь, с этой Симбирцевой-Халлоуэй мы с Игорем вляпались как кур в ошип.

– В смысле?

– После этого случая нас каждый день вызывали в милицию. Еще раз вызовут, я просто взвою. И не пойду. Пусть волокут силой.

– Допрашивали?

– Каждый день. Меня и Игоря. Что, где, почему, как. Как будто мы можем что-то знать.

– О чем хоть они вас спрашивали?

– Да об одном и том же. Заставляли по минутам рассказывать, как Инка мне позвонила, как она пришла к нам с мужем, как потом ее муж спустился вниз, как снизу нам позволили американцы. Будто они сами не знают. Чушь.

– Инна рассказала мне кое-что, но не все. Я знаю только, что вся эта история связана с Буруном.

– Да, история связана с Генкой Буруновым. Помнишь его?

– Конечно, помню. В общих словах – что случилось?

– Ну что... Мы сидим вечером с Игорем, уже закончили работу, но еще в краске. Вдруг звонок. Снимаю трубку – Инка. Ведь она мне только первый год из Штатов звонила, потом перестала. Я о ней уже забывать начала, а тут она звонит. Я все понимаю, высшее общество, муж миллиардер, то-се, но время-то выбрать она могла. – Пожала плечами. – Ладно. Звонит Инка, время – начало десятого вечера. Слышу, у нее что-то не то с голосом, спрашиваю, охрипла, что ли? Она говорит, нет, все в порядке. Но через пару слов выясняется, что не все в порядке. Спрашивает меня, можно мы с мужем

зайдем? Я говорю, конечно, заходите, какие разговоры. Они заходят, она мне объясняет, что и как. Она с мужем зашла в «Восточный шатер», не зная, что это кабак Буруна. У Генки, естественно, при ее виде разыграла кровь, он послал своего шестерку с приказом, чтобы Инка подседа к его столику. Она отказалась, Бурун снова послал шестерку. Она снова отказалась. Ее муж, Стив, знаешь, даром что банкир, здоровый мужик. Вообще, все при нем. Инка объяснила, он раньше занимался боксом. Так вот, когда они решили из «Шатра» уйти, Бурун их подстерег, начал ее оскорблять, и Стив ему врезал – так, что тот упал. Они вскочили в такси, Бурун снарядил погоню. Они чудом ушли, Инка позвонила мне. Знаешь, когда они вошли к нам в квартиру, я ее не узнала. Бледная, руки трясутся. Стоит, лица на ней просто нет, а сама пытается улыбаться.

– Представляю. У меня бы тоже руки тряслись. Ну и что?

– Ну и что... Она мне все рассказала, я, конечно, предложила им переночевать у нас. Но они, дураки, отказались. Представляешь?

– Представляю.

– Решили вызвать машину из посольства, чтобы их отвезли на Пушкинскую. Они там снимали квартиру. Идиоты, дураки... Если бы они остались у нас, все было бы в порядке.

– Наверное. И что дальше?

– Ну что дальше? Я вижу, Инка сидит бледная как смерть, говорю, давай, полежи у нас в спальне. Она прилегла, я дала

ей седуксена. Смотрю, она вроде успокоилась, даже задремала. Я пошла в гостиную, к Игорю и Стиву, потом Стив вышел встретить машину из посольства. Игорь, между прочим, хотел выйти вместе с ним, но Стив сказал, что выйдет один.

– Как выяснилось, что муж Инны пропал?

– Выяснилось очень просто. Когда Стив вышел встречать машину, его долго не было. Но мы не волновались. У нас хорошо освещенный дом, рядом отделение милиции. Наверняка он стоял у самого подъезда, а у нас третий этаж. Если бы что-то случилось, мы бы услышали шум. Или крик, или вообще какие-то звуки. Но все было тихо. Потом вдруг звонят. Трубку снял Игорь, ему по телефону объясняют, что машина американского посольства, которая пришла за мистером и миссис Халлоуэй, давно уже ждет внизу. Он говорит, мистер Халлоуэй должен вас встретить, он вышел. Они говорят, у подъезда нет никакого мистера Халлоуэя. Игорь, конечно, тут же спустился вниз. Стали искать, думали, Стив прошел немного по переулку и заблудился. Искали, искали, ничего не нашли, вызвали милицию с собакой. Обошли с собакой весь наш подъезд, все переулки рядом. Пусто. Я сначала Инку не хотела будить, но потом разбудила, говорю, твой Стив пропал. С ней истерика. Она бросилась на улицу, стала искать вместе с милицией. Бесполезно. Ну вот. – Пожала плечами. – Вся история.

– Понятно. Что, когда Стив вышел и вы сидели с Игорем в квартире, вы не слышали никаких звуков?

– Никаких. Какие-то машины изредка проезжали, но в отдалении. Причем именно проезжали, не останавливались. Да нет, если эти ублюдки хотели захватить Стива, они бы это сделали легко. Машину они могли остановить где-нибудь за углом, подкрасться дворами. И ударить его сзади чем-то по голове. Они это умеют.

– Слушай, Лен, кстати, Бурун знает ваш адрес?

– Он знает наш адрес. Дома у нас он никогда не был, я бы его на порог не пустила, но адрес он знает. Когда я работала на его картине, я задерживалась, и он несколько раз подвозил меня на своей машине домой. Ясно, он запомнил, где я живу. Инка сказала, его машина, черный «мерседес», в ту ночь крутилась там по переулкам. Конечно, он мог предположить, что Инка со Стивом зашли ко мне. И нацелить своих головорезов. Но извини – я тут ничего не могу поделать. Я живу там, где я живу.

– Знаешь, Лен, Инна просит нас с Пашей помочь найти ее мужа. Или хотя бы концы.

– И что вы ей на это сказали?

– Сказали, что попробуем помочь. Потом, Инка ищет жилье, в котором она сможет жить, не опасаясь Буруна.

– Да знаю я эту ее бредовую идею. Она хочет найти своего Стива. Бесплезно. Пусть уматывает скорее к себе в Америку. Чем скорее она уедет отсюда, тем для нее будет лучше. Неужели она не понимает, что здесь, в Москве, Бурун найдет ее в любом жилье? Где бы она ни спряталась? И прикончит.

– Тем не менее она хочет найти своего мужа.

– Оль, ну что тебе сказать? Она или сумасшедшая, или просто забыла, как все это делается в Москве. Стива искать бесполезно, Бурун со своими ублюдками давно уже его убил. Объясни ей, что никакие силы не помогут ей вернуть мужа. Никакие. Пусть забудет о нем. – Лена посмотрела на часы. – Все, Оль, труба зовет. Я должна идти.

– Конечно, иди. Спасибо, что пришла. – Оля встала. – Выходим, я уже расплатилась.

– Ага. – Встав, Лена обняла ее. – Оль, я ужасно рада, что тебя увидела. Только ты не пропадай, звони, ладно? И скажи Инке, чтобы она скорей отсюда уезжала. Я знаю Буруна, он такие вещи не прощает.

Возле двух такси, стоящих на самом солнцепеке у гостиницы «Восточный шатер», царило безлюдье. Редкие прохожие безучастно проходили мимо. Парадный вход гостиницы выглядел безжизненным, его роскошные стеклянные двери, бесстрастно отражая полуденное солнце, застыли неподвижно.

Подойдя к первой машине, Молчанов пригнулся. Грузный потный человек, имя и фамилия которого, судя по надписи на табличке, были Валерий Егоров, изучающе посмотрел на него. Кивнул:

– Едем, командир?

– Вообще я тут дружка ищу. Часом, не знаешь, Петруха

Родионов давно здесь был?

– Петруха Родионов? А зачем он тебе?

– Вот, пожрать принес. – Молчанов показал бумажный пакет, в который заранее положил бутерброды и бутылку пива. – Мы с ним договорились, что я подойду около часу.

Отвернувшись от него, водитель покачал головой. Сказал, не глядя:

– Ну ты даешь, парень, ну ты в лист. Он пожрать принес...

Около часу...

– А что тут такого? Он что, уехал, что ли?

– Уехал... Иди в милицию. Убили твоего Петруху.

Некоторое время Молчанов вглядывался в блеклые, ничего не выражающие глаза водителя. Судя по этим глазам, тот не шутил и не врал.

Помедлив, усмехнулся:

– То есть как убили? Когда?

– Сегодня утром. Его нашли убитым. Здесь, на этой стоянке. Вообще, малый, или садись, или канай. У меня работа.

– Не пыли, поеду я с тобой. – Открыв дверцу, Молчанов сел рядом с водителем. – Добрось до Севастопольской.

– До Севастопольской так до Севастопольской. – Егоров включил счетчик и дал газу. Повернув на Садовое кольцо, спросил: – Значит, он корешем тебе был?

– Был. Как хоть убили-то его?

Водитель долго молчал. Наконец сказал:

– Очень просто. Седок утром подошел, говорит: пове-

зешь? А Родион лежит, на баранку навалился. Пулей его пришили. Прямо в сердце.

– Что, никто ничего не видел и не слышал?

– Какое видел, какое слышал... В таких случаях, парень, стреляют только с глушителем.

– В каких таких случаях?

– В таких. – Егоров покосился. – В простых.

Помедлив, Молчанов сказал:

– Слушай, хочешь, я эту жратву оставлю тебе?

– Мне?

– Ну да. Зачем добру пропадать? – Приоткрыл пакет. – Вот смотри, здесь два бутерброда домашних, с колбасой и с сыром. И пиво...

Мельком заглянув в пакет, водитель кивнул:

– Ладно, сгодится. Положи на заднее сиденье. – Подождал, пока Молчанов положит пакет. – Так ты что, дружил с Родионовым?

– Ну да. Я ж сам раньше крутил баранку, в четвертом парке. Там мы и скорешились. Тебя вроде, по табличке, Валерой зовут? Валер, слушай, так, между нами, за что его?

– За что... Откуда я знаю?

– Да знаешь ведь. Только говорить не хочешь. Скажи, я в долгу не останусь.

Водитель долго молчал. Наконец сказал:

– Много будешь знать – скоро состаришься.

– Ну ты даешь. Вот у тебя б дружка убили, ты бы хотел

знать, за что его?

– Возможно, я бы хотел. Но одного хотения мало.

– Да я все понимаю, Валер, я ж не лох. Ну, ты приписан к «Шатру», ну, можешь ты сгореть, если мне что скажешь, ну ясно же все, ну кто ж этого не понимает, а? Но, Валер, я без балды хочу знать, за что Петруху. Мне же он был друг. Скажешь, я тебя водкой залью. А?

– Водкой... А если я не пью?

– Ладно, не хочешь водки – дам пару штук.

С минуту они ехали в полном молчании. Наконец Валера сказал:

– Что, ты серьезно насчет пары штук?

Молчанов достал бумажник. Не спеша раскрыл отделение, набитое банкнотами.

– Вот смотри, отстегиваю сразу. – Пошелестел сторублевками. – Он же мне друг был, пойми. За что его, я должен знать?

– Кокнули его за то, что не то он сделал, твой друг. Повез седоков, которых не надо было везти.

– Каких таких седоков?

– Откуда я знаю, каких седоков? Повез и повез. Таких. Вообще, я что-то твоих бабок не вижу.

– Так сейчас... – Отсчитав две тысячи рублей, протянул: – Держи, здесь две штуки. Еще две штуки дам, если скажешь, кто не велел Петрухе везти этих седоков...

– Кто не велел их везти... В «Шатре», парень, есть только

один человек, который может не велеть кого-то везти.

– Так, подожди... Вроде я этого человека знаю... Бурун, что ли?

Водитель бросил беглый взгляд на Молчанова:

– Если знаешь, кто такой Бурун, о чем разговор? Что ты тогда вообще меня спрашиваешь?

– На всякий случай. – Отсчитав деньги, указанные на счетчике, Молчанов добавил к ним еще две тысячи. – Притормози, я здесь сойду.

Водитель остановил машину у тротуара, пересчитал деньги. Удовлетворенно кивнул:

– Бывай.

– И ты бывай. – Захлопнув дверцу и подождав, пока машина отъедет, Молчанов двинулся к метро.

Вернувшись в агентство, он застал здесь только Олю. Выслушал рассказ о разговоре с Леной, спросил:

– У тебя в отношении Каминских какие-то подозрения?

– Паша, никаких. Все, что мне рассказала Лена, мы с тобой уже слышали от Инны.

– Но Бурун знает адрес Каминских.

– Ну и что? Когда Лена работала на картине Буруна, он несколько раз подвозил ее после работы к дому. Значит, запомнил ее адрес.

– Может, между Леной и Буруном тогда что-то было?

– Не думаю. Вообще, Лена Каминская всегда терпеть его не могла.

– Внешне она могла его ненавидеть. А внутренне относиться по-другому.

– Не знаю. С Игорем они живут душа в душу, оба художники, зачем ей Бурун? Она объяснила, он ее подвозил, когда она задерживалась на «Мосфильме». Что вполне вероятно.

– Кем была Лена на картине?

– Кажется, вторым художником.

– Спонсор подвозит второго художника?

– Ну и что? Я думаю, Бурун делал это не без умысла. Ведь Лена и Инна – лучшие подруги, а он ради Инны был готов на все. Вот он и подвозил Лену, рассчитывая, что она замолвит за него слово.

– Да? – Подумав, согласился: – Возможно, ты права.

– Как я поняла, у тебя сегодня что-то не то?

– У меня все то. А вот у таксиста Родионова – нет.

– У таксиста Родионова? Что, ты его не нашел?

– Я и не мог его найти. Сегодня утром его нашли мертвым за баранкой машины у гостиницы «Восточный шатер».

– Мертвым от чего?

– Кто-то выстрелил в него из пистолета с глушителем.

Свидетелей нет.

– Ясно, его убрал Бурун.

– Возможно. Слушай, давай съездим к дому Каминских?

– Хочешь осмотреть место?

– Да, хочу осмотреть место.

Остановив машину во дворе дома Каминских, Молчанов вышел вместе с Олей.

Двор был ограничен четырьмя многоэтажными корпусами, между которыми был разбит небольшой скверик с детской площадкой в углу.

Кивнув в сторону шестнадцатиэтажного здания, Молчанов спросил:

– Это и есть дом Каминских?

– Да, это он.

– Что, подъезды открыты с обеих сторон?

– Раньше были открыты с обеих, сейчас не знаю. Я давно у них не была.

– Квартира Каминских на третьем этаже?

– На третьем.

– Если считать полуподвал, это не третий, а третий с половиной этаж. Куда выходят окна? Во двор?

– Дай вспомнить... У них три комнаты: гостиная, комната, которую они используют как мастерскую, и спальня. Кажется, окна гостиной и мастерской выходят в переулок, спальни – в проезд между домами, который ведет во двор. Да, точно.

– Пойдем посмотрим?

– Пойдем.

Пройдя в проезд, Оля задрала голову:

– Вон оно, окно их спальни. Первое от угла.

Молчанов внимательно осмотрел окно и стену:

– Окно большое. И высокое. До земли от него, наверное,

метров тринадцать. Не меньше. А?

– Наверное. Паш, тут ведь еще есть полуподвал.

– Ну да. – Присев, взгляделся в пыльные зарешеченные окна. Дверь из ниши ниже уровня тротуара вела в подвальное помещение.

Спустившись по ступенькам, Павел подергал дверь. Убедившись, что она заперта наглухо, кивнул:

– Оль, позвони Лене, спроси насчет этого полуподвала – была ли там милиция.

– Хорошо.

– Заодно спроси, что у них в этом полуподвале находится. И пойдем посмотрим окна, которые выходят в переулок.

– Пойдем.

Осмотрев окна, заметил:

– Как я понимаю, Халлоуэй ждал машину из посольства где-то здесь, недалеко от этого подъезда. Лена ведь сказала, они не слышали, как сюда подъехала машина посольства?

– Не слышали. Они просто слышали время от времени звуки каких-то машин. Возможно, одна из этих машин и была машиной посольства.

– Люди, которые приехали на этой машине, Халлоуэя, стоящего у подъезда, уже не увидели?

– Нет, не увидели.

– И позвонили Каминским?

– Да, и позвонили Каминским.

– Если считать, что Халлоуэя убили люди Буруна, они сто-

яли где-то здесь, недалеко от подъезда, в укрытии. Дождавшись, пока он выйдет, убили его и унесли во двор, к машине. И увезли. Примерно так, как ты думаешь?

– Ну... наверное.

– Ладно, теперь я хоть представляю, как все здесь выглядит. Возвращаемся в агентство. И не забудь позвонить Лене насчет полуподвала, хорошо?

– Хорошо.

На установленном под потолком кабинета мониторе было видно, как Радич, подойдя к входной двери, нажимает кнопки шифра. Рядом, как глыба, высился огромного роста парень, у ног которого сидела лохматая собака.

Через минуту Радич заглянул в приемную:

– Паша, со мной Слава. Я был у Катышева, потом поговорим. Я буду у себя.

– Хорошо. – Молчанов кивнул Угрюмцеву: – Слава, что стоишь, заходи.

Со своими русыми волосами, русой бородкой и светлыми глазами Угрюмцев мог показаться деревенским простаком. Но Молчанов знал, Слава совсем не так прост. На последних двух курсах МГУ он как математик делал блестящие успехи, профессора прочили ему научное будущее, но Угрюмцев, получив диплом и поработав в НИИ, неожиданно оставил науку – решил стать профессиональным охранником. В единоборствах ему, как бывшему самбисту, члену сборной

МГУ, не было равных, к тому же он виртуозно стрелял. И, что особенно важно, понимал, в чем состоит суть настоящей охраны.

– Как жизнь? – спросил Молчанов.

– Нормально. – Войдя в приемную, Угрюмцев сел в кресло. Сказал тихо: – Берег, ложись.

Собака тут же опустилась на пол. Оля покачала головой:

– Слава, твой Берег прямо теленок. Громадина.

– Да уж. – Угрюмцев погладил лежащего рядом пса. – Петрович сказал, я вроде понадобился?

– Понадобился, – сказал Молчанов. – Кстати, он тебе сообщил, что мы построили дачу?

– Сообщил. Он сказал, хорошее место, на Пахре.

– Да, место неплохое. Со вчерашнего дня там находится мой клиент, молодая женщина, зовут ее Инна. Я взялся обеспечить ее безопасность. Но поскольку мы с Олей будем там только ночевать, нужно, чтобы кто-то находился на даче и днем. Как, ты готов?

– Да. Я в полной боевой готовности.

– Очень хорошо. По-моему, ты и твой Берег подходите для этого идеально. Насколько я помню, пищу из чужих рук он не берет?

– Категорически. Это первое, чему я его научил.

– Я хотел бы подписать с тобой договор на охрану этой дачи с проживанием и питанием. Оплата по нашим обычным расценкам. Как?

– Я не против. На какой срок договор?

– Я вообще хочу взять туда охранника с собакой на постоянную работу, и если ты согласишься, мы потом подпишем долгосрочный договор. Пока же ты нужен мне как минимум на месяц. Как?

– Я готов.

– Сможешь с сегодняшнего дня приступить к работе?

– Нет вопросов.

– Отлично. Сейчас я переговорю с Петровичем, и поедем туда. Оля, займись пока со Славой, оформи договор, попроси, чтобы ему выдали аванс. А я пойду к Радичу.

Радич сидел за столом, попыхивая трубкой. После того как Молчанов сел в кресло, сказал:

– Эх, Паша, мне бы твои годы...

– А что?

– Что, что... Понравилась мне Инна.

Молчанов все прекрасно понимал. Он понимал, что Радич одинок, что одному, без женщины, ему тяжело, но на все его уговоры подумать о второй женитьбе бывший однополчанин лишь отшучивался.

Окончательно с женой Радич разошелся, когда, пытаясь отстоять Молчанова, раньше времени ушел в отставку. У него был непростой характер, он не умел врать и, главное, не был карьеристом, чего жена не смогла ему простить. Он же, оставшись один, так и не сумел найти себе пару. Что было этому причиной, Молчанов объяснить не мог. По его мне-

нию, Радич был по-своему привлекателен, он был умным, высокообразованным и тонким человеком, да и, в конце концов, просто богатым женихом.

– Вам понравилась Инна? – переспросил Молчанов.

– Да. – Попыхивая трубкой, Радич сделал вид, что изучает висящую на стене картину. – Очень понравилась.

– Так, Сергей Петрович, все для вас. Инна сейчас одинока, вы тоже вроде как не обременены. Попробуйте.

– Перестань... Инна не для меня. И не смотри на меня так.

– Я не смотрю.

– Смотришь. Просто она очень хорошая женщина. Правильная.

– Ну так в чем же дело?

– Ни в чем. И не будем больше говорить на эту тему, хорошо?

– Хорошо. – Молчанов подождал, пока Радич сделает затяжку. – Что у Катышева? Дал он что-нибудь на Буруна?

– Посмотри-ка. – Радич протянул пластиковую папку с несколькими вложенными в нее листками. – Я подумал, раз дело касается американца, может, у Буруна есть какие-то деловые интересы в Америке. Катышев о таких интересах ничего сказать не смог. Так я уговорил его отвести меня в международный отдел, и в конце концов они дали мне вот это.

Молчанов полистал бумаги, оказавшиеся в основном старыми оперативными сводками МВД. Вздохнул:

– Сергей Петрович, может, эти бумаги я изучу потом? А

вы расскажете вкратце, в чем дело?

– Прочесть-то хоть успел?

– Успел. Это сводки о деятельности американской компании «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент». Считаете, она может иметь отношение к Буруну?

– Видишь ли, эта фирма, «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» целиком создана на российские деньги. Ее президентом числится американец Кен Браун, но это липовая фигура, нанятая лишь для отвода глаз. Деньги там крутятся большие, при этом в ее совет директоров входит некто В.И. Филимонов. Я подумал: что, если это Моня?

– Моня?

– Да, тот самый Филимонов по кличке Моня, который в свое время фигурировал в деле гостиницы «Золотой амулет». Помнишь?

– Прекрасно помню. Хорошо, проверим. Вы считаете, из этой информации можно что-то извлечь?

– Чем черт не шутит? Вдруг здесь что-то выплывет. Между прочим, сегодня утром убили таксиста Родионова.

– Я знаю. Вы читали сводку?

– Читал. Тело Родионова было обнаружено сегодня около восьми утра в его собственном такси, на стоянке перед входом в гостиницу «Восточный шатер». Умер Родионов от двух выстрелов, сделанных из пистолета «ПСМ», который в момент выстрела был приставлен вплотную к правой стороне тела. Анализ двух пуль, найденных при вскрытии, по-

казал, что пули со смещенным центром тяжести. Такие пули убивают мгновенно, ты знаешь. Выстрелов никто не слышал, на «ПСМ» наверняка был глушитель. Время стрелявший выбрал очень точно, на стоянке, кроме такси Родионова, не было ни одной машины. Естественно, поиски возможных свидетелей ни к чему не привели. Ты смотришь на меня так, будто ждешь дальнейшего рассказа?

– Я жду, что вы скажете по поводу убийства Родионова.

– Паша... я много чего могу сказать. Но случай настолько ясный, что говорить нечего. – Радич выразительно посмотрел на Молчанова. – Родионова убили по приказу Буруна, причем убили специально перед гостиницей «Восточный шатер», чтобы другие поняли намек.

– Намек на предательство?

– На ослушание. Когда Родионов вез Инну и ее мужа, он пытался уйти от погони. И ушел. Это ослушание.

– Правда, потом он опомнился и дал показания в пользу Буруна.

– То, что он дал показания в пользу Буруна, его спасти уже не могло. Как свидетель, он был потенциально опасен, и его убрали. – Увидев, что трубка выкурена, Радич достал специальную лопаточку. Стал неторопливо выскребать в пепельницу пепел. Это был знак, что Сергей Петрович пытается скрыть свои чувства. – Когда вы собираетесь ехать на дачу?

– Чем раньше, тем лучше.

– Так езжайте. Там ведь вас ждет Инна, да и Славу ты должен ввести в курс дела.

– Ладно, поедem. Подежурите здесь?

– Конечно.

– Сергей Петрович, я сейчас осматривал место возле дома Каминских, где исчез Стив Халлоуэй. Там под домом есть полуподвал. Позвоните Катышеву и выясните, осматривала ли милиция этот полуподвал. Если осматривала, то когда осматривала и что там нашла.

– Хорошо, позвоню. Ладно, езжайте. Передай привет Инне.

– Обязательно передам.

Когда он вошел в кабинет, Оля сказала:

– Я позвонила Лене, она сказала, что со следующего утра после пропажи Халлоуэя милиция весь день лазила в полуподвале под их домом. Но нашли ли они там что-то, она не знает.

– Выяснила, что у них в этом полуподвале?

– Выяснила. Дом у них кооперативный, небольшую часть полуподвала занимает правление кооператива, большую же часть по кусочкам это правление сдает разным мелким фирмам.

– Понятно. Ладно, нашла ли там что-то милиция, Радич выяснит у Катышева. – Посмотрел на Славу: – Что, поехали?

– Поехали.

Инна стояла на веранде. На ней были белые джинсы и серый свитер, волосы убраны под черную бейсбольную шапочку.

Молчанов и Угрюмцев вышли из своих машин, и она, махнув им рукой, спустилась со ступенек:

– Добрый вечер. Еле вас дождалась, честное слово.

– Как вы? – спросил Молчанов. – Надеюсь, все в порядке?

– Все в порядке. Правда, сначала я все утро просидела в кабинете с включенным монитором, боялась высунуться. Мне все время казалось, кто-то ходит вокруг.

– Вот это вы зря. О том, что вы здесь, пока никто не знает.

– Но я-то об этом знаю, вот в чем беда.

– Это, кстати, главная беда.

– Наверное. Но потом, после Олиного звонка, я осмелела.

Даже приготовила вам ужин.

– И что у нас на ужин?

– Вы любите сибирские пельмени?

– Сибирские пельмени... – Молчанов потер руки. – Любимое блюдо. Неужели вы умеете их делать?

– А что тут уметь? Я же из Нижневартовска. Мама все время делала нам сибирские пельмени.

– Значит, навалимся на сибирские пельмени. – Молчанов кивнул в сторону Угрюмцева: – Познакомьтесь, Слава. Он теперь будет здесь с вами постоянно.

– Очень приятно. – Инна протянула руку, которую Угрюмцев осторожно пожал. – Инна.

– Слава. Мне тоже очень приятно.

– Какой пес... – Инна присела на корточки, рассматривая собаку. – Потрясающий пес. Он не кусается?

– Вас он не укусит, он кусает только чужих. А вы, как он понял по моему поведению, своя. Но вообще, если хотите его погладить, пока лучше не стоит. Ласку он принимает только от меня. Надеюсь, потом будет принимать и от вас.

– Понятно. Как его зовут?

– Берег.

– Берег... Хорошее имя.

– Инна, идем, – сказала Оля. – Ребята, ужинать будем на кухне. Ждем вас через пятнадцать минут.

– Договорились. – Подождав, пока женщины уйдут, Молчанов посмотрел на Угрюмцева: – Как тебе дача?

– Нормальная дача, я бы даже сказал, отличная. Как я понял, здесь есть техника?

– Есть. «Супер полис» и «Саунд гард».

– Понял. Скрытые видеокамеры дневного и ночного видения, микрофоны в ограде?

– Верно. Ворота и калитка, само собой, бронированные, с шифровым набором. Есть сигнализация всех видов. В том числе дача связана с местным районным отделением милиции. Конечно, милиционеры там еще те, не охрана, а одни слезы. Но тем не менее у нас с ними заключен договор на обслуживание на год вперед, они получают деньги, а значит, несут ответственность. Короче, здесь предусмотрено почти

все. Правда, я еще не успел поставить будку для собаки.

– Если есть материал, завтра я поставлю ее сам.

– Материала полно. Ладно, делами займемся потом. Взял с собой все, что надо?

– Да, все в этой сумке. Одежда, оружие, прочее. – Угрюмцев стащил с заднего сиденья джипа большую сумку.

– Комнату выберешь сам, после ужина. А сейчас идем, девчонки, наверное, нас уже ждут.

После ужина Молчанов прошел с Инной в кабинет:

– Инна, вы сказали, чтобы я не принимал вас за рохлю.

Поэтому, думаю, вы выдержите неприятное сообщение?

– Ну... постараюсь. Что за неприятное сообщение? Что-то о Стиве?

– Нет, о вашем муже пока ничего не слышно. Вы помните таксиста Петра Родионова, который вез вас с мужем в тот вечер?

– Конечно.

– Сегодня утром его убили.

– Господи... И кто его убил?

– Неизвестно. Кто был исполнителем убийства, равно как и заказчиком, выяснить не удалось.

– И... где это случилось?

– Тело Родионова нашли сегодня рано утром в его машине, на стоянке такси перед гостиницей «Восточный шатер». Кто-то выстрелил в него из пистолета с глушителем, но кто

именно – никто не видел.

Некоторое время она сидела, разглядывая пол. Наконец сказала:

– Так это Бурун, ясно.

– У меня нет сомнения, что заказчиком убийства был Бурун. Хотя исполнителем, возможно, был другой человек. Бурун пахан, а паханы до убийства мелкой сошки не снисходят.

Инна машинально поглаживала подлокотники кресла. Вздохнула, нервно улыбнулась.

– Что-то не так? – спросил Молчанов.

– Да нет, все так. Просто я знаю, что Бурун будет меня искать. На этом убийстве он не успокоится.

– Согласен. Поэтому ваши опасения я настроен принимать всерьез.

– Я, наверное, кажусь вам страшной трусихой?

– Вы совсем не кажетесь мне трусихой. Опасность реальна, я это отлично понимаю. Но здесь, на даче, вы можете чувствовать себя в полной безопасности.

– Да?

– Конечно. О том, что вы здесь, не узнает никто и никогда. Но даже если и узнает, Слава – один из лучших охранников, которых я вообще знаю, его собака прошла специальную подготовку. Они не пустят сюда никого. Так что с этим вопросом все в порядке. Вообще, Инна, я хотел бы поговорить с вами о важных делах.

– Пожалуйста.

– Не знаю даже, с чего начать... Скажите, вы слышали когда-нибудь в Америке такое имя – Кен Браун?

– Кен Браун? Нет.

– А имя Виталий Филимонов, тоже в Америке?

– Нет, не слышала. А кто это?

– Люди, связанные с компанией «Нью-Ингленд энерджи энд импрувмент». Вам знакомо это название?

– По-моему, это компания, связанная с электроэнергией. Газ и свет, да?

– Да. Не знаете, эта компания никак не связана с банком «Атлантик Америкэн»?

– Ой... – Инна покачала головой. – Не знаю. Я знаю только, что это электрокомпания. И все.

– Вообще, Инна, насколько вы в курсе дел своего мужа, владельца «Атлантик Америкэн траст бэнк»?

– Каких именно дел?

– Да всех. Он вводил вас в курс делопроизводства, отношений с партнерами, интересов банка? Или вы, как говорится, просто жена?

– Павел... конечно, я просто жена.

– Понятно.

– Да и вообще... – Улыбнулась. – Меня вводи не вводи, я все равно ничего не пойму.

– Что, так безнадежно?

– Совершенно безнадежно. Во всем, что происходит в банке Стива, я полный профан. Стив что-то такое пытался

мне объяснить, один раз даже заставил сидеть на каком-то совещании. Все впустую. Знаете, я ведь совсем не по этому делу.

– Не по этому?

– Ну да. Это не мое. Математику и прочие точные науки я ненавижу с детства, ничего в них не понимаю. Я актриса, окончила Щукинское, до этого училась в спортивной школе. Конечно, я знаю, что «Атлантик Америкэн» – крупная банковская корпорация, входящая в десятку крупнейших банков Америки. И что мой муж входит в какой-то там список самых богатых людей Америки. Но на этом мои познания в делах мужа заканчиваются. Увы. А почему вы спрашиваете об этом? Вам нужно что-то узнать о банке?

– Да, мне нужно кое-что узнать о делах в банке вашего мужа. Связях с партнерами, некоторых счетах и так далее. В интересах расследования.

– Вы считаете, исчезновение Стива может быть как-то связано с делами банка?

– Конечно, если к делам банка вашего мужа какое-то отношение имеет Бурун. Вы можете допустить такое?

– Даже не знаю. Все же нет. Такого быть не может.

– Почему?

– Ну... во-первых, когда в ресторане я назвала мужу эту фамилию – Бурунов, муж никак на нее не прореагировал. Он понятия не имеет о Буруне.

– Владелец банка и не должен знать всех клиентов. Потом,

есть ведь понятие «подставные лица». Бурун вполне может быть связан с делами «Атлантик Америкэн», и при этом ваш муж может об этом не знать. Поэтому я и хотел услышать от вас о некоторых чисто внутренних делах банка.

– Но... вы ведь понимаете, что тогда получается? Если Бурун как-то связан с «Атлантик Америкэн»?

– Прекрасно понимаю. Только не будем спешить. У вас есть какая-то связь с управляющими компании? Менеджментом, советом директоров? Надо сделать несколько запросов.

– Нет проблем. Если я позвоню им или пошлю факс, они тут же ответят на любой мой вопрос. В банке есть генеральный менеджер, четыре главных менеджера, совет директоров, десятки консультантов. Они знают все, что касается дел банка.

– Только не спешите. И ничего не делайте без меня. И запомните, звонить в Нью-Йорк нельзя ни в коем случае. Телефон может прослушиваться.

– Чей телефон? Ваш?

– Любой. Поэтому лучше воспользоваться моим факсом. У меня специальный факс закрытой связи, посторонние подключиться к нему не могут. Завтра мы обдумаем перечень вопросов, и вы пошлете их по факсу в Нью-Йорк. И этим пока ограничимся.

– Хорошо.

– Теперь... – Помолчал. – Инна, этой темы нам не обойти.

– Пожалуйста, я слушаю. Какой темы?

– Кто наследует имущество вашего мужа в случае его исчезновения или смерти?

Некоторое время Инна сидела, чуть нагнувшись и рассматривая свои ногти. Вздохнула:

– Я не являюсь его наследницей.

– Не являетесь?

– Нет. Его прямым наследником является его брат, Джейсон Халлоуэй.

– А другие родственники?

– Из других родственников у Стива только мама. Но ей его наследство не нужно, у нее у самой крупное состояние.

– Значит, по завещанию вашего мужа банковскую корпорацию «Атлантик Америкэн» получит его брат?

– Да. Мне же будут выделены деньги на приличное существование. Есть такая формулировка. И поместье на Нантакете. Это, конечно, тоже немалые деньги. Но с оборотом банка «Атлантик Америкэн» их, конечно, не сравнить.

– Что, так решил ваш муж?

Выпрямившись, она посмотрела на него:

– Нет, так решила его мама. Их мама. Миссис Эвелин Халлоуэй. А Стив... – Усмехнулась. – Стоит ли погружать вас в семейные дразги?

– Если вам это претит, не погружайте. Но мне это может помочь.

– Ну... Стив вообще не хотел сначала составлять ника-

кого завещания, считал, что рано. Но его мама такая... такая, знаете, пунктуалистка. Она сказала, что да, он молодой мужчина, о смерти думать рано, но завещание должно быть. И когда они вместе с юристом стали составлять завещание, мама настояла на том, чтобы там был пункт: в случае смерти Стива банк «Атлантик Америкэн» переходит к его брату. Стив с ней долго спорил, он считал, что если уж составлять завещание, то так, чтобы банк после его смерти перешел ко мне. Но она настояла на своем.

– Она имеет влияние на сына?

– Она имеет влияние на обоих сыновей.

– Она живет с ними?

– Они все живут отдельно. Стив отдельно, Джейсон отдельно, мама отдельно.

– Сколько лет брату Стива?

– Тридцать семь.

– А маме?

– Семьдесят четыре. Она живет в нерсинг-хоум, по-нашему, в доме престарелых. – Встретив его взгляд, пожалала плечами: – У них в Америке так принято. Американцы считают, они не должны обременять друг друга. Поэтому она уже лет десять живет одна.

– В доме престарелых?

– Да, но это не дом престарелых в нашем понимании. Это что-то вроде санатория или дома отдыха. Я там пару раз была. Это старинный замок в огромном парке, у них там свои

квартиры, гостиные, ресторан, бар. Есть бассейн, есть залы для занятий любым спортом. Ну и, конечно, за ними там уход, медсестры, санитарки, врачи, все остальное. Они играют друг с другом в гольф, бридж, к ним приезжают оркестры, им даже балет показывают. Там очень хорошо.

– А брат вашего мужа где живет?

– Он живет в штате Виргиния. И знаете, Павел... может, мы пока не будем говорить на эту тему?

– Вам это неприятно?

– Ну... да. Во всяком случае, сейчас мне не хотелось бы об этом говорить.

– Хорошо, поговорим в другой раз. Отдыхайте. А завтра с утра составим вопросы, и вы пошлете их по факсу. Хорошо?

– Да, конечно.

Глава 4

Утром, войдя вместе с Инной в кабинет, Молчанов включил факс и компьютер. Распахнул окно.

Широкое, в полстены, окно выходило в сторону леса. Солнце уже поднялось, воздух прогрелся. Листва берез, осин и кленов, по-летнему спокойная, лишь изредка вздрагивала под легким ветром.

Постояв у окна, Инна вздохнула:

– Хорошо здесь.

– Да, места здесь хорошие. Вы, вообще, знаете, что это за места?

– Знаю. Река Пахра. Раньше я здесь бывала, тут живут все киношники. Так ведь?

– Да, только они живут чуть подальше. Я нарочно выбрал участок на отшибе, на излучине реки. И специально оборудовал дачу так, чтобы в дальнейшем ею могли пользоваться также наши клиенты. Им иногда требуется надежное укрытие, и дача оборудована с учетом этого. Посмотрите. – Включил стоящий на отдельном столике монитор. На экране возник подъезд к воротам, излучина реки, часть леса. – Скрытые видеокamеры установлены вдоль всей ограды. Причем все ночного видения, так что при желании вы можете в любой час дня и ночи, не выходя наружу, увидеть, кто подошел или подъехал к даче. И не только увидеть, но и услышать –

в ограду вмонтированы микрофоны. Ограда участка с виду очень простая, но преодолеть ее не так легко. Но даже преодолев ограду, совсем не просто войти в дом. Не говоря уже о том, что сейчас здесь Слава с собакой. Что, будем отправлять факс?

– Давайте. Вы решили, что хотите выяснить?

– Мне хотелось бы знать, существуют ли какие-то деловые отношения между банком «Атлантик Америкой» и компанией «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент». Это первое. Ну и хорошо было бы также получить список, скажем, пяти наиболее крупных вкладчиков банка, выходцев из России. Можно это сделать?

– Я думаю, можно.

– Оба запроса связаны с Буруном. У меня есть подозрение, что член совета директоров «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» Филимонов, о котором я вас спрашивал, – ставленник Буруна. Ну а второй запрос, о пяти крупнейших вкладчиках, я делаю просто наудачу, как пробный. На случай, если в списке окажется или сам Бурун, или кто-то, кто с ним связан. На чье имя вы будете посылать запрос?

– Наверное, на имя генерального менеджера. Его зовут Малькольм Стоунхед.

– Отлично... – Написав на мониторе и отпечатавав запрос, дал его прочесть Инне. После того как она подписала листок, отправил факс – и через минуту получил подтверждение, что факс принят.

– Все в порядке. Они получили ваше послание.

– Я поняла. Хороший отсюда вид, да? Знаете, сидела бы так в кресле и смотрела. Смотрела, не отрываясь.

– Да, вид красивый. Можете им любоваться. А я, с вашего позволения, позвоню в агентство, предупрежу, что мы задержимся. Не помешаю?

– Да нет. Лишь бы я не помешала.

– Вы не мешаете. – Набрал номер, услышал отзыв Радича. – Доброе утро, Сергей Петрович. Как вы там?

– Доброе утро. Да пока никак, я только пришел. Ты с дачи?

– Да. Возможно, мы задержимся, ничего?

– Ничего. Делать вам здесь особенно нечего. Если бы тебе не нужен был Костя, вы вообще могли бы не приезжать. Кстати, я только что говорил с Полиной.

– И что она?

– Сказала, вчера Костя приехал домой поздно ночью. Сегодня же он уехал рано утром, около семи, куда, она не знает. Она еще спала. Как там Инна?

– Все в порядке. Она здесь, сидит рядом со мной.

– Передай привет.

– Обязательно. – Прикрыл трубку рукой: – Инна, вам привет от Сергея Петровича.

– Спасибо. Ему тоже передайте привет.

– Вам тоже от нее привет, Сергей Петрович.

– Рад слышать. Паша, если у тебя все – счастливо. Если

что, я позвоню.

– Договорились. – Положив трубку, Молчанов посмотрел на Инну: – Инна, по-моему, сегодня вы чувствуете себя лучше. Не так нервничаете. Да?

– Ну... да.

– Может, продолжим разговор, который мы начали вчера? О семье вашего мужа?

– Хорошо, давайте. Вам же, наверное, для чего-то это нужно знать.

– Знать мне это нужно только для одного: для успешного расследования.

– Хорошо. Спрашивайте, что вас интересует.

– По-моему, вчера мы остановились на брате вашего мужа.

– Да, как будто.

– Вообще, чем он занимается? Тоже банковским делом?

– Нет. Никакого отношения к банковскому делу он не имеет.

– А к какому имеет?

– Н-ну... – Помолчала. – Сейчас ни к какому.

– Совсем ни к какому?

– Ну... да. Как бы вам это объяснить? Он делает вид, что скульптор, но что-то у него ничего не получается как у скульптора. Он пытался выставляться, но две его выставки провалились. Вообще, с этой его скульптурой... чепуха какая-то.

– Как я понял, он не очень хорошо к вам относится?

– Вся семья Стива ко мне не очень хорошо относится. И Джейсон, и его мама, Эвелин. То есть они ужасно ко мне относятся. Они просто меня не признают.

– Чем вы это объясняете?

– Павел, это трудно объяснить. Даже невозможно. Они не признают меня, вот и все. Считают, что я взялась ниоткуда, вроде чертика из табакерки.

Она замолчала, и он решил пока ей не мешать. Вздохнула:

– Мы как-то приехали к Эвелин, в ее нерсинг-хоум, вместе со Стивом. И она, дождавшись, когда Стив отойдет, поговорила со мной. Мягко так поговорила, с улыбкой. Объяснила мне, что я злодейка. Что я влюбила в себя Стива и в конце концов отняла у них с Джейсоном сына и брата. Хотя все было не так.

– А как?

– Ну... – Дернула плечом. – Что рассказывать?

Она опять замолчала, и он опять решил ей не мешать.

– Знаете, Павел, все было очень красиво.

– Да?

– Да. По-настоящему красиво. Когда я снималась, у нас была короткая экспедиция в Америку. Снимали всего одну сцену, на прогулочном катере, на Кейп-Коде. Есть такое курортное место, недалеко от Бостона. Вы вообще знаете Америку?

– Знаю. И знаю, что такое Кейп-Код. Даже бывал на Нантакете и Мартас-Виньярд.

– Так вы все отлично представляете. Так вот, на съемку у группы было всего три дня, съемки проводились в Хаянисе, в гавани. А у Стива поместье на Нантакете. Как раз когда шла съемка, он пришел в Хаянис на яхте. Ну и увидел меня. И... все. Он сразу сделал мне предложение. Выходи, говорит, за меня замуж, и все. Но я сначала отказалась.

– Почему?

– Понимаете... мне было как-то не по себе. Я вообще не представляла тогда, что такое Америка. Почти не знала языка. Да и кто такой Стив, я толком не знала. К тому же в съемочной группе меня все отговаривали, мол, искусство важней, что ты делаешь, ты губишь себя и так далее. Короче, я отказалась. Но оставила Стиву телефон и адрес в Москве. Он стал писать, звонить. Потом просто приехал в Москву и увез меня. Вот, собственно, вся история.

– Действительно красивая история.

– Красивая, не красивая, но мне это дорого. И Стиву дорого. А вот маме Стива и его брату – нет.

– Вы сказали, брат вашего мужа живет в штате Виргиния?

– Да.

– Где именно там?

– Есть такой городок, Фредериксбург. Так он живет даже не в самом городке, а рядом, в лесу. В какой-то хижине.

– В хижине?

– Ну не знаю... Стив сказал, это дом почти без всяких удобств.

– Почему же он живет в таком доме?

– Так ему захотелось. Джейсон говорит, что это ради творчества. Он делает абстрактные металлические композиции из стальных прутьев, листового железа и так далее. Я уже говорила, он пробовал их выставлять в Гринвич-Виллидж², но потерпел полный провал. Так вот, ради этих железок и дома в лесу он оставил все. Жену, детей, квартиру в Нью-Йорке, профессорскую должность в Джульярдской школе. Это его дело, пусть живет как хочет, не пойму только, чем я ему насолила.

– Вы пробовали поговорить с ним, объясниться как-то?

– Пробовала, когда он приезжал к Стиву из Виргинии. Бесплезно. Он и разговаривать со мной не желает.

– А со Стивом вы на эту тему говорили?

– Говорила. Да он и так все отлично понимает. Но он очень любит мать. А поскольку меня он тоже любит, ему приходится разрываться между... между двумя женщинами. – Улыбнулась. – Ну вот, теперь вы посвящены во все семейные тайны клана Халлоуэй. Можете делать свои выводы.

– Сделаю. Хорошо, что вы все мне рассказали.

– Не знаю, хорошо это или нет. Я хочу найти Стива или следы Стива. И не хочу, чтобы его убийство осталось безнаказанным – если его убили. Остальное не важно.

– Понятно. – Молчанов прислушался. – По-моему, прие-

---

² Гринвич-Виллидж – район в Нью-Йорке, где живут художники и где сосредоточено множество художественных галерей.

хала машина.

– Да, это машина.

– Посмотрю, кого принесло. Не обращайтесь на меня внимания, сидите. Вообще, почувствуйте себя здесь как дома.

Выйдя на участок, Молчанов увидел «понтиак», стоящий рядом с «вольво» и джипом. Чуть в стороне прохаживался Костомаров.

Пожав Молчанову руку, Костя тронул пальцем дужку очков. Близоруко поморгал:

– Слушай, надо поговорить.

– Так давай поговорим. Вообще, что ты здесь стоишь, пошли в дом.

– Нет, в дом мы не пойдем. – Выдержав паузу, Костя снова тронул очки. – Поговорить нам надо не в доме, будет важный разговор. Кто у тебя сейчас?

– Все свои. Оля, Слава Угрюмцев, Инна.

– Подожди... – Костомаров оглядел участок. – Нет, все равно поговорить надо не в доме.

– Ради бога, давай поговорим где хочешь. Предлагай.

– Вот там, в дальнем углу, кусты, идем туда. Как будто нормальное место.

– Ну дела. – Молчанов покачал головой. – Хорошо, идем.

Пройдя в дальний угол участка, они сели на свежесрубленную скамейку, устроенную между оградой и кустами шиповника.

– Тут дело такое, Паш... – Костомаров смахнул с рукава невидимую пылинку. – Дело такое... Если человек, который мне доверился, узнает, что это выплыло, нам с тобой кранты. Нас пришьют. Просто пришьют, и все. И не будут ничего спрашивать.

– Понятно. Какой человек тебе доверился?

– Какой человек... – Костя посмотрел в землю. – Тумба. Ты знаешь, кто такой Тумба? Сосо Тамбиев?

– Конечно. Пахан измайловцев, злейший враг Буруна.

– Мне удалось с ним встретиться.

– Так ты с ним провел эти два дня?

– С ним я провел только один час, сегодня рано утром. А вчерашний день весь прошел впустую. Пытался найти общий язык с одним из людей Буруна, неким Серафимом Викторовым по кличке Вексель, он мне многим обязан, но... Он крутился, вертелся, но так ни слова и не сказал о том вечере. Боится Буруна. Но Вексель, сам того не заметив, подал мне одну мысль.

– Какую?

– Значит, Паш, то, что я тебе сейчас расскажу, не должно выплыть. Никогда и нигде.

– Не должно, значит, не выплывет. Так какую мысль подал тебе Вексель?

– Выйти на Тумбу. Я когда-то защищал Тумбу в суде и понадеялся, что, если с ним встречу, смогу как-то договориться. И знаешь – мы с ним договорились. Нашли общий

язык.

– Нашли?

– Да. Я ему объяснил, что мне нужно узнать только одно: какая подоплека стоит за тем вечером, когда Инна и ее муж зашли в ресторан. Тумба, естественно, об этом вечере ничего не знает, ему и этот вечер, и Инна, и ее муж до лампочки. Но он мне предложил вариант.

– Что за вариант?

– Чтобы ты понял, что к чему, сразу объясню суть дела. Среди людей Буруна у Тумбы есть свой человек, «крот», который работает на него. Причем этот «крот» в тот вечер, когда в ресторане сидели Инна и ее муж, был там. Это установлено.

– И кто он, этот «крот»?

– Некто Максим Гудилин по кличке Гудок. Слышал когда-нибудь о таком?

– Слышал. И видел его фото, оно есть у нас в компьютере.

– В дорогомилловской группировке Гудок сейчас второй человек после Буруна. Тумба считает, так высоко подняться Гудку удалось после того, как тот его предал.

– Гудок его предал?

– Так считает Тумба. В разговоре со мной он объяснил: он считает, что Гудок предал его и теперь работает на Буруна. А ему предоставляет информацию только для вида. Но поскольку Тумба еще не убежден, что Гудок его предал, он предложил мне его проверить.

– Каким образом?

– Найти человека, который смог бы с ним переговорить с глазу на глаз, выдав себя за доверенного Тумбы. Связь с Гудком Тумба этому человеку обеспечит. У Гудка во время этой встречи наш человек может спрашивать все, о чем хочет. В том числе и о том, что стояло за конфликтом, случившимся в ресторане между Инной, ее мужем и Буруном.

– И что за это хочет Тумба?

– За это Тумба хочет, чтобы наш человек во время этой встречи Гудка замазал. Дал ему деньги. И чтобы на нашем человеке во время этого разговора был рекордер с компакт-диском. Разговор должен быть записан, и запись разговора передана Тумбе.

– Понятно. Чтобы потом шантажировать Гудка.

– Вот именно.

– И что ты сказал Тумбе? Что ты это покупаешь?

– Я сказал, что это возможный вариант и что мне нужно подумать.

– Ты сам-то что думаешь по поводу этого варианта?

– В принципе, я считаю, вариант неплохой. Но его нужно тщательно обдумать. Встретаться с Гудком – все равно что совать голову к черту в пасть. Если Гудок поймет, что его кидают, он просто подождет, пока этот человек повернется к нему спиной, и застрелит. Так что самое трудное будет найти человека, который на это решится.

– Считай, такой человек уже есть.

– Есть?

– Да. Он перед тобой.

Подняв голову и прищурившись, Костя посмотрел на солнце. Перевел взгляд на Молчанова:

– Ты хочешь сказать, на встречу с Гудком пойдешь ты?

– Пойду, если пойму, что в этом есть какой-то смысл.

– Ну а... ты уверен, что Гудок не знает тебя в лицо?

– Он меня не узнает. Но пока смысла встречаться с Гудком на условиях Тумбы я не вижу.

– Почему?

– Видишь ли, Костя, у меня пока слишком мало материала, чтобы знать, что мне стоит спрашивать у Гудка, а что не стоит.

– А когда он появится, этот материал?

– Тебе это важно?

– Конечно. Тумба дал мне жесткий срок для ответа – не позже конца недели. Если до этого срока я ему ничего не скажу, договор аннулируется.

– Так, Костя, до конца недели еще уйма времени, сегодня вторник.

– Не такая уж это уйма времени.

– Костя... знаешь что, расслабься. Ты сделал огромное дело и заслужил отдых. Езжай домой.

– Вы что, не едете в контору?

– Не едем. Хочешь, оставайся здесь, сделаем шашлык. Или сибирские пельмени. Между прочим, Инна их готовит

– пальчики оближешь.

– Нет, все-таки поеду домой. Отосплюсь, подожду Полину, чуть пораньше возьму Асю из детского сада. Да и другие дела есть. Поеду. Но с Тумбой... ты же все понимаешь. Нам просто повезло, что он на такое идет.

– Я все понимаю. Но мне ведь тоже надо подумать. Поезжай домой, отдохни. До пятницы я все решу в любом случае.

Проводив Костомарова, Молчанов осмотрелся.

Слава, голый по пояс, в рваных джинсах, с малярной кистью в руке, сидел на корточках перед собачьей будкой, заканчивая окраску. Рядом, высунув язык, лежал Берег. Оля и Инна, в солнцезащитных очках, шортах и пестрых майках, полулежали в шезлонгах на веранде. На низком столике рядом с ними стояли два стакана с янтарно-желтой жидкостью.

Когда он подошел, Оля поставила стакан на стол.

– Паша, тут выяснилось, Инне завтра нужно в Москву. Отметиться в посольстве, другие мелкие дела. Но одна она боится. Она хочет поехать вместе со Славой. Как?

– Конечно, пусть едет со Славой. Я б ее одну и не пустил.

– И они возьмут твой «вольво»? Им же нужно в посольство.

– Нет никаких разговоров. Инна, берите Славу, берите «вольво» и поезжайте.

– Спасибо. – Инна улыbnулась. – Ничего, что мы будем на чужой машине? Права у меня есть, только тут, как я помню, нужна еще доверенность на машину?

– Потом я напишу вам доверенность, а сейчас езжайте так. Обычно, если есть права, ГИБДД доверенность не спрашивает. В крайнем случае заплатите штраф, это копейки. Смело поезжайте.

Глава 5

На следующий день Молчанов и Оля встали пораньше, чтобы успеть в агентство к девяти.

В агентстве Молчанову пришлось заняться обычной рутинной работой – подписями накладных и чеков, проверкой бумаг, переговорами с клиентами.

Когда в начале восьмого вечера они вернулись, их встретил Слава. На вопрос Молчанова, как прошел день, пожал плечами:

– Все было тихо. Ничего необычного не возникало. Инна сейчас на кухне, готовит чай.

– Пойду ей помогу, – сказала Оля. – Паш, идем?

– Ты иди, я подойду. Проверю, нет ли факса.

Зайдя в кабинет, сразу увидел лежащий на подносе у аппарата листок бумаги. Взяв его, прочел написанный по-английски текст:

*«Банк «Атлантик Америкэн траст»,
отд. М 001, 1155 Бродвей, Нью-Йорк.*

Отдел генерального менеджера.

Миссис Инне Халлоуэй

(Лично. Передача в третьи руки исключена).

Многоуважаемая миссис Халлоуэй!

На присланные Вами запросы имею честь сообщить следующее:

а) Корпорация «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» является клиентом и вкладчиком нашего банка с 5-летним стажем. По состоянию двух предыдущих четвертей года «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» владела 17 % акций банка, возглавляя, если не считать владельца, пул основных держателей акций. До последнего времени деловые отношения между банком «Атлантик Америкэн траст» и корпорацией «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» носили вполне корректный и взаимовыгодный характер. Однако, как я с сожалением должен отметить, в последние 4 месяца корпорация предприняла ряд мер, которые и мною, и советом директоров банка «Атлантик Америкой траст» оцениваются как некорректные и, возможно, нелояльные. На основных фондовых биржах США, и прежде всего в Нью-Йорке, Чикаго и Лос-Анджелесе, дилеры, обслуживающие «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент», примерно 4 месяца тому назад начали и продолжают исподволь скупать акции нашего банка. В настоящее время, по нашим оценкам, количество акций банка «Атлантик Америкэн траст», которыми владеет «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент», увеличилось до уже внушающей опасение цифры 34 %. Наиболее тревожным симптомом является то, что скупка акций нашего банка, предпринятая без согласования с нами «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент», продолжается. Это все, что

я имею честь сообщить Вам по Вашему первому запросу.

б) На Ваш второй запрос имею честь сообщить следующее: пятерыми выходцами из России, имеющими наиболее крупные вклады на счетах «Атлантик Америкэн траст», являются:

1. Кислинский Юлий Семенович – \$170 546 098.94
2. Филимонов Виталий Иванович – \$86 441 664.76
3. Носенко Иван Савельевич – \$18 100 014.35
4. Редигер Юрий Соломонович – \$7 423 221.09
5. Гогуа Левон Ильич – \$3 000 013.65

С уважением,

*Искренне Ваш Малькольм Стоунхед, генеральный менеджер
банка «Атлантик Америкэн траст».*

Сняв с листка несколько копий, Молчанов взял одну, прошел на кухню. Славы уже не было, здесь сидели только Оля и Инна.

– Пришел факс. – Протянул листок. – Вообще-то я нарушил правила, факс адресован лично вам, без передачи в третьи руки.

– Никаких правил вы не нарушили. – Прочитав, Инна вернула листок ему. – Павел, я, наверное, полная дура... Этот факс что-то означает?

– Означает, и очень многое.

– Павел, мне просто стыдно. – Помолчала. – И что он означает?

– В конечном счете, перескакивая через несколько этапов,

которые скучно объяснять, этот факс означает, что банк «Атлантик Америкэн траст» может в самом ближайшем будущем перестать быть собственностью вашего мужа. И стать собственностью «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент».

– Павел... но это невозможно.

– Очень даже возможно.

– Но совсем недавно Стив мне говорил, что дела в банке идут прекрасно. Он никогда не сказал бы мне этого, если бы это было не так.

– Все правильно. Ваш муж говорил это вам, когда, выразимся так, был в силе, когда его никто не похищал и не убивал и когда он мог внимательно следить за состоянием дел в банке, за его политикой и так далее. Но давайте посмотрим, что получается сейчас.

– А что получается сейчас?

– Сейчас получается, что вашего мужа нет и неизвестно, жив он или мертв. Следить за состоянием дел в банке сейчас никому, поскольку ни вы, мало понимающая в банковском деле, ни его брат, понимающий в этом, как я понял, еще меньше, ни его мать, находящаяся в доме престарелых, заняться этим не могут. Остается генеральный менеджер, но генеральный менеджер – малоинтересованное лицо. Биться за банк, как бьются люди за свое кровное, он не будет. Вы согласны со мной?

– Ну... в общем, да.

– Инна, я не хочу сгущать краски. Может, все не так

уж и плохо. Но то, что корпорация «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» хочет скупить контрольный пакет акций банка, – это тревожный сигнал. При этом досточтимый сэр Малькольм Стоунхед, подающий нам с вами этот тревожный сигнал, еще не знает, что «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» является по сути «крышей» для тех, кто занимается незаконным бизнесом, наркотиками и отмыванием денег. То есть для сборища жуликов. Но для сборища жуликов, которые могут нанять самую лучшую в США команду адвокатов, и она отобьет все обвинения. И докажет, что жулики действовали правильно, в полном соответствии с законом. Если бы сэр Малькольм Стоунхед знал это, он просто включил бы сигнал тревоги.

– Что... Разве это в самом деле так? Насчет «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент»? Они же солидная фирма. Неужели они связаны с наркотиками?

– Связаны. И не только с наркотиками.

– Но простите, Павел, это все же не в России, а в США. В США действуют законы. Если «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» связана с наркотиками, ею займется ФБР. И компанию просто закроют.

– Инна... к сожалению, ее не закроют. Вы знаете, откуда ко мне пришла информация о «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент»?

– Откуда?

– Из международного отдела МВД. «Нью-Инглэнд энер-

джи энд импрувмент» связана с нелегальным бизнесом настолько, что ФБР подает об этом сигнал российскому МВД. Это доказывает, что сделать что-либо с «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» ФБР пока не может.

– Почему?

– То, что та или иная компания связана с незаконным бизнесом и отмыванием денег, надо еще доказать. А доказать это не так просто. В этом факсе в списке наиболее крупных вкладчиков банка вашего мужа значится Филимонов Виталий Иванович. Я вам уже говорил, что он входит также в совет директоров «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент». Вы знаете, кто это такой?

– Нет. Вы ведь меня об этом уже спрашивали. Кто это?

– Жулик, бандит и убийца. Правда, при условии, что это тот Филимонов, которого я имею в виду. Но я уверен, это тот самый. Около трех лет назад здесь, в Москве, произошла очень неприятная история с гостиницей «Золотой амулет». Один из ее совладельцев, американец, пропал, и его не нашли до сих пор. У тех, кто вел расследование, не было сомнений, что его убили. Вы слышали эту историю?

– Что-то слышала. Читала в газетах. И что? Этот Филимонов как-то с этим связан?

– Связан. Точнее, связан Бурун, поскольку Филимонов – его шестерка. У милиции были подозрения, что к убийству совладельца «Золотого амулета» имел отношение Виталий Филимонов по кличке Моня, правая рука Буруна. Но Моня

вовремя выехал из России. Поскольку все улики указывали на Моню, и только на Моню, Бурун в этой истории остался чистым. Так вот, в факсе в списке наиболее состоятельных вкладчиков вторым упомянут Филимонов Виталий Иванович. Моню тоже зовут Виталий Иванович. Конечно, может быть тройное совпадение. Когда совпадают фамилия, имя и отчество. Но я, уж извините, в совпадения не верю.

Некоторое время Инна сидела молча. Вздохнула:

– Но ведь тогда выходит, Бурун все это подстроил. Сцену в ресторане. И все остальное.

– Боюсь, это так.

– Но... какая же он тогда после этого скотина. – Сжав кулаки, соединила их вместе. – Какая скотина. Устроить такую сцену. Прикинуться, что ревнует. Оля?

Молчавшая до этого Оля обняла Инну:

– Инночка, конечно, он скотина. Он всегда был скотиной.

– Инна... – Молчанов вздохнул. – Вы должны понять, для людей вроде Буруна не существует моральных категорий. Если ему это выгодно, он готов поступать как угодно. В том числе и как скотина.

– Не существует моральных категорий... Но он все-таки мужик... Когда-то делал вид, что в меня влюблен... Дарил цветы...

– Вот именно, делал вид.

– Нет, я просто понять этого не могу. – Инна посмотрела на Олю: – Оля, ну ты представляешь?

– Представляю. Ладно, ребята, я оставлю вас одних, у меня дела.

Подождав, пока Оля выйдет, Молчанов сказал:

– Инна, давайте на время забудем о Буруне. И решим, что нам сейчас делать. Нам надо все хорошо взвесить и рассчитать.

Взяв губку, она машинально вытерла стол. Тяжело вздохнула:

– Хорошо, давайте все взвесим и рассчитаем. Хотя, если честно, я не знаю, что тут можно взвесить и рассчитать.

– Кое-что можно. То, что Бурун затеял все это из-за банка «Атлантик Америкэн», является его уязвимым местом. Мы знаем теперь, в каком направлении искать, знаем, что где-то рядом с «Атлантик Америкэн» можно найти улики, доказывающие, что ваш муж был похищен и убит именно по указанию Буруна. И еще одно... – Помолчал. – Раньше мы считали, что Бурун убил вашего мужа и хочет убить вас из ревности. Из чувства оскорбленного достоинства, задетого тем, что вы отказались сесть за его столик, а ваш муж его ударил. Но теперь мы знаем, что это была игра, за которой стояло хладнокровное, хорошо обдуманное убийство. Убийство, подоплекой которого является серьезный экономический интерес. А здесь уже вступает в силу железное правило: хороший соперник – мертвый соперник. Теперь, после того как Бурун ликвидировал вашего мужа, на очереди вы – поскольку он уверен, что вы стоите на его пути к захвату

банка «Атлантик Америкэн». Он ведь не знает о завещании вашего мужа?

– Не знает.

– Значит, он постарается сделать все, чтобы вас убить. Подумайте, стоит ли вам оставаться здесь, в Москве?

– Я уже подумала. Знаете, Павел, теперь я знаю точно: пока я не соберу достаточно доказательств, что Стива убил Бурун, я отсюда не уеду. – Некоторое время она сидела, сцепив руки и глядя в пространство. – Павел, как вы думаете, нам удастся что-то еще здесь найти?

– Ну... – Усмехнулся. – Думаю, что удастся.

– Да?

– Да. Сейчас, например, у меня появилась возможность встретиться с человеком из окружения Буруна. Надеюсь, этот человек раскроет мне подоплеку того, что случилось в ресторане «Восточный шатер» в тот вечер... Ладно, Инна, отдыхайте. И забудьте на время о неприятном.

Подождав, пока Инна уйдет, Молчанов вышел на веранду. Щебет птиц стих, слышался лишь шум листвы под ветром. Кусты и деревья, освещенные лучами заходящего солнца, отбрасывали длинные тени.

Внезапно к ним добавились еще две тени. Обернулся – у края дома стояли Слава и Берег.

– Черт... Слава, ты меня напугал.

– Извини. Это потому, что мы с Берегом ходим бесшумно.

– Знаешь, нужно усилить степень охраны Инны.

– Хорошо, давай усилим.

– Теперь, если вы будете с ней выезжать в Москву и она будет выходить из машины, в машине не оставайся. Выходи вместе с ней и следуй за ней, куда бы она ни пошла. Понял?

– Понял. Выезжать с ней я буду теперь только на джипе, вместе с Берегом.

– А это зачем?

– Чтобы он охранял машину.

– Ну да. В общем, Инна должна быть все время под контролем.

– Я понял.

Слава ушел, Павел же, сев в кресло, набрал номер домашнего телефона Костомарова. Услышав в трубке знакомое «Алло?», сказал:

– Костя, извини за поздний звонок, но я по делу.

– Слушаю.

– Мой человек готов к встрече.

Наступила пауза, после которой последовал вздох:

– Ясно. И когда он хочет встретиться?

– Ему было бы очень удобно в пятницу.

– В пятницу... Ладно. Я сегодня или завтра постараюсь выяснить, что можно сделать.

– Чем скорее ты это выяснишь, тем лучше.

Глава 6

С Костомаровым они встретились на следующее утро в агентстве.

– Значит, на свидание к Гудку пойдешь ты? – спросил адвокат.

– Да, пойду я.

– Это уже решено?

– Да. Не понимаю, зачем ты спрашиваешь?

– Я спрашиваю, чтобы ты знал: во время этого свидания Тумба не должен даже заподозрить, что к встрече с Гудком может иметь какое-то отношение наше агентство. Я уверил Тумбу, что о роли Гудка в течение определенного времени, пока Тумба сам не выяснит с ним свои отношения, никто, кроме меня и нанятого мной человека, не имеющего никакого отношения к агентству, не узнает.

– Все понятно.

– Теперь, Паша, хочу еще раз тебя предупредить: Гудок человек крайне недоверчивый и безжалостный. Тот, кто с ним встречается, должен приготовиться к тому, что никогда не поймет, в какой момент Гудок может достать пистолет и выстрелить. Помни это.

– Хорошо, буду помнить.

– Ты сказал, пойдешь в гриме. В каком гриме?

– У меня есть черный парик и черные накладные усы. Ес-

ли ты помнишь, года два назад этот парик и эти усы мне сильно помогли.

– Помню. Да, парик классный, усы тоже, волосы от настоящих не отличить. Хорошо, думаю, с Гудком это пройдет. Кроме того, тебе обязательно надо взять с собой поддельный паспорт.

– Что, Гудок будет проверять у меня документы?

– Дело не в Гудке. Нужен поддельный паспорт, причем Гудок ни в коем случае не должен заподозрить, что паспорт поддельный. Когда мы все обговаривали, Тумба спросил у меня, как зовут человека, который пойдет на встречу с Гудком. Я назвал первые пришедшие в голову имя, фамилию и отчество: Кузьмин Иван Васильевич, кличка Кузя. Гудку ты позвонишь сам и скажешь условные фразы, которые мне сообщил Тумба. Но может, Тумба найдет способ сообщить Гудку твои позывные, и Гудок попросит показать паспорт. А?

– Что, если я пошлю его подальше? Сказав, что нормальные люди паспорт с собой не носят?

– Паша... хочешь не хочешь, тебе придется где-то добыть паспорт на имя Кузьмина Ивана Васильевича. Специально для встречи с Гудком.

– Хорошо. Как надо выходить на контакт с Гудком?

– Ты должен будешь позвонить Гудку завтра в одиннадцать утра. Домой.

– Адрес Гудка Тумба тебе не сообщил?

– Нет. Дал только номер телефона.

– Можно взглянуть на этот номер?

– Можно. – Костомаров придвинул бумажку, на которой был записан номер телефона. – Возьми с собой, чтобы запомнить.

– Уже запомнил. По телефону он живет где-то в районе Пушкинской.

– Да, где-то там.

– Гудок будет знать об этом звонке?

– Не знаю. Тумба сказал, что нет, но кто их знает. Как объяснил мне Тумба, Гудок – «крот» глубоко засекреченный. Чтобы не навести на него тень, Тумба старается контакты с ним свести до минимума. Общается он с Гудком крайне редко, по телефону говорит только через специальных посыльных – если линия прослушивается, голос Тумбы могут узнать. Посыльных Тумба тщательно подбирает, в основном это приезжие, которые в Москве еще не засветились. Никого из своего ближайшего окружения Тумба в качестве посыльных на связи с Гудком не использует, поскольку никто, даже самые ближайшие его шестерки, не ведают, что Гудок работает на Тумбу. Думаю, именно поэтому Тумба и пошел на мой вариант. Я, как ни странно, пользуюсь у него некоторым доверием.

– Понятно. Значит, завтра в одиннадцать я звоню Гудку – и что говорю?

– Звонить Гудку домой надо особым образом. Правда, как

я понял со слов Тумбы, это касается только домашнего телефона Гудка. По мобильному телефону или в ресторан «Восточный шатер», где он постоянно сидит, можно звонить без всяких условных знаков. Но тогда и разговор будет другой.

– Понятно. И как надо звонить ему домой?

– Сначала набрать его номер и, чуть подождав, отключить связь. Затем снова набрать его номер, после чего он снимет трубку. Но говорить не будет. Для того чтобы он отозвался и заговорил, надо три раза постучать по мембране чем-то твердым, монетой или просто ногтем. Если человек соединится с ним таким образом, Гудок будет знать, что ему звонит кто-то свой, посвященный в его дела.

– Понятно. Я звоню ему таким образом – и что дальше?

– Дальше ты говоришь ему, что звонишь от Марьи Ивановны, которая попросила тебя срочно с ним встретиться. Он должен спросить, где ты хочешь встретиться, на что ты должен ответить, что хочешь встретиться там же, где вы встречались в прошлый раз. Ты можешь поинтересоваться, когда ты должен быть на этом месте, но никаких других вопросов ты задавать не должен. Вообще, ни по телефону, ни при личном общении ты не должен называть никаких реальных имен, кличек, адресов и так далее. Если Гудок спросит, как тебя зовут, назови свою кличку, в данном случае – Кузя.

– Но его самого называть Гудком я могу?

– Можешь, потому что ты якобы эту кличку узнал от «Марьи Ивановны».

– И что это за место, где мы с ним встречались в прошлый раз?

– Это Рождественский бульвар, третья скамейка, считая от Трубной площади. Там скамейки поставлены с двух сторон, так вот, ты можешь ждать Гудка на любой из них. Если там будут сидеть люди, подсядь к ним. Если же обе скамейки будут заняты настолько, что ты не сможешь сесть, ты должен стоять или прохаживаться рядом. В любом случае Гудок подойдет к тебе и назовет по кличке, которую ты скажешь ему по телефону. Ну а дальше все будет зависеть от тебя. И от Гудка.

– Тумба хочет, чтобы мой разговор с Гудком был записан и чтобы во время этого разговора я замазал Гудка, так ведь?

– Так.

– Какими деньгами я должен буду его замазывать? Деньгами агентства?

– Нет. Тумба дал мне деньги, их ты должен будешь передать Гудку. – Открыв лежащий на столе кейс, Костомаров достал оттуда пухлый конверт, из которого, в свою очередь, вынул плотную пачку стодолларовых банкнот, перетянутых резинкой. – Вот. Здесь пять тысяч баксов. Это та сумма, на которую, как считает Тумба, Гудок клюнет. Сам понимаешь, отдать Гудку надо именно эти банкноты. Номера банкнот Тумбой наверняка переписаны.

– Но отдать эти деньги я должен Гудку за что-то. За ответ на какой-то мой вопрос. На какой? Вы с Тумбой это обгова-

ривали?

– Тумба сказал, это не имеет значения. Расклад такой: сначала ты спрашиваешь Гудку о подоплеке того, что произошло в ресторане «Восточный шатер» в тот вечер, когда туда зашли Инна и ее муж. Это, так сказать, то, ради чего якобы тебя послал Тумба. Ты должен предупредить Гудку, что о случае в ресторане хочет знать «Марья Ивановна», то есть Тумба. Затем, когда Гудок все тебе объяснит, ты должен задать ему еще какой-то вопрос, не важно какой, но не относящийся к случаю в ресторане, предупредив, что это интересует тебя лично и за это ты готов заплатить Гудку пять тысяч долларов. Тумбе, как я понял, важен сам факт, что Гудок продаст не согласованную с ним, Тумбой, информацию его специальному посланнику. За это Тумба сможет его прижать. Так что продумай, какой вопрос, якобы интересующий только тебя, ты задашь Гудку.

– Это уже продумано.

– Тогда все. Остальное – подготовка, выходы, уходы, прочее – уже по твоей части. Ты решил, как будешь вести запись?

– Решил. Поскольку Тумба не должен догадаться, что к работе с Гудком имела отношение специализированная контора, всякие записи на стационарные установки должны быть исключены. То есть я буду вести запись на рекордер с мини-диском, находящийся на мне, с помощью микрофона, тоже находящегося на мне.

– Паша, смотри, Гудок – хитрая змея. Он не засечет твой рекордер?

– Не засечет. Что-что, а спрятать на себе диктофон и микрофон так, чтобы их никто не смог найти, я сумею.

– Тогда нет проблем. Как я понял, мы с тобой все обговорили?

– Как будто все.

Войдя в приемную, Молчанов некоторое время наблюдал, как Оля работает на компьютере. Она сидела спиной к входной двери, обе ее кисти, застыв над клавиатурой киборда, позволяли касаться клавиш только пальцам. Но пальцы при этом двигались так быстро, что уследить за ними было невозможно.

Наконец почувствовав, что он вошел, Оля повернулась:

– Что-нибудь нужно?

– Нужно. Сможешь меня сфотографировать?

– Зачем?

– На паспорт.

– Ты что, получаешь новый паспорт?

– Никакого нового паспорта я не получаю. Мне делают мастырку³, если ты знаешь, что это такое. Бери аппарат, снимешь, потом я тебе все объясню.

Достав из ящика стола камеру, Оля прошла вместе с ним в кабинет.

---

³ Мастырка – поддельный документ (*блатн. жарг.*).

– Надевай свой парик и усы. И садись за стол.

Молчанов надел парик, прилепил к губе усы. Несколько раз щелкнув затвором, Оля ушла – и вскоре принесла отпечатки. Заглянула в глаза:

– Паша... зачем тебе мастырка?

– Нужна по делу.

– Переходишь на нелегальное положение?

– Нет. Просто завтра иду на встречу с одним деловым.

– Случайно, не с Буруном?

– Нет, не с Буруном. С кем я буду встречаться, не должен знать никто, даже ты.

– Очень мне нужно знать, с кем ты встречаешься! Просто скажи: это опасно?

– Опасно даже ходить по улицам, ты забыла?

– Паша... от тебя никогда не добьешься нормального ответа.

– Опасно в меру. Но думаю, завтра все будет в порядке.

Чтобы подготовиться к встрече с Гудком, Молчанов встал в пять утра. Посмотрев на Олю, которая спала на соседней кровати, спустился вниз, прошел в кабинет и начал осматривать одежду.

Рекордер, плоскую металлическую коробочку, он вчера аккуратно вшил под заднюю стенку левого верхнего кармана джинсовой рубашки. Кнопку, включающую аппарат, расположил так, чтобы ее можно было легко нажать с изнанки

рубашки. Тончайший же проводок, ведущий от рекордера к микрофону, заделал в шов в планке рубашки, а от него – в шов, тянущийся по плечу и затем спускающийся вниз, к обшлагоу рукава.

За время работы в агентстве он смог собрать большую коллекцию замаскированных под различные предметы мини-микрофонов. На вид они представляли собой безделушки, с помощью которых можно было записать разговор так, чтобы собеседник об этом никогда не узнал. Среди этой коллекции были микрофоны-брелки, микрофоны-перстни, микрофоны-серьги, микрофоны-запонки, микрофоны-пуговицы. Был даже один микрофон, представляющий собой звено массивной золотой цепи, которую вешают на грудь для украшения. Однако вчера, перебрав все варианты, Молчанов решил остановиться на микрофоне, замаскированном под бронзовую пуговицу от джинсовой рубашки. Пуговица была обычной, с ободком и надписью «Levi's». К ней было подобрано одиннадцать точно таких же обычных пуговиц. На каждый рукав приходилось по две пуговицы, и одна из этих пуговиц, расположенная на левом рукаве, была микрофоном.

Сев за стол, Молчанов тщательно осмотрел место на изнанке кармана рубашки, куда был вшит рекордер. Затем проверил шов, в который был заделан проводок, и микрофон-пуговицу. Убедившись, что обнаружить рекордер и микрофон можно лишь после тщательного изучения, да и то

после того, как рубашка будет распорота, проговорил в воздух несколько фраз. Заново прогнав запись, убедился, что техника работает без сбоев.

Надел рубашку, посмотрел на себя в зеркало. Достал из ящика стола паспорт, врученный ему вчера Костомаровым, и лежащие там же, в ящике, пять тысяч долларов Тумбы. Прочитав паспорт, еще раз отметил: качество подделки высокое.

Вынул из ящика стола пластиковый пакет, в котором лежали аккуратно сложенные парик и усы. Все вместе, пакет и пять тысяч долларов, засунул в небольшую кожаную сумку, крепящуюся к брючному ремню. Повесил рубашку на спинку кресла и вышел на участок.

Сделал в кустах на краю участка зарядку, принял душ, вернулся в кабинет. Из шкатулки, спрятанной в одном из ящиков стола, достал небольшой, умещающийся на ладони пистолет «байярд». Пистолет, напоминающий игрушечный, не отличался точностью и сильным боем, но цель, ради которой Молчанов решил взять его с собой, того и не требовала. В правом рукаве джинсовой рубашки, в верхней части, на внутренней, обращенной к телу стороне, он приготовил специальный потайной карман, в котором «байярд» легко помещался. Секрет кармана был в том, что он крепился на кнопках, и для того чтобы кнопки вышли из своих гнезд, достаточно было нескольких сильных движений тесно прижатого к телу предплечья. После двух-трех таких движений карман

переставал быть карманом и «байярд» сваливался по рукаву вниз, попадая точно в правую руку.

Надел джинсы, кроссовки и рубашку, аккуратно вставил пистолет в заранее закрепленный на кнопках карман. Застегнул рубашку на пуговицы, заправил ее в джинсы, под брючный ремень. Подвигал правой рукой – «байярд», лежащий в рукаве, нисколько не мешал движению.

Оля, в пестром ситцевом брючном костюме, сидела на кухне у включенной кофеварки. Увидев его, покачала головой:

– Ты где? Я тебя обыскалась.

– Плохо искала, я делал зарядку. Едем в Москву, мы должны быть там около семи.

Сразу за Кольцевой дорогой Оля спросила:

– Теперь куда?

– Высади меня где-нибудь в переулке. Так, чтобы весь этот процесс никто не видел.

– Может, в Большом Гнездниковском?

– Не возражаю.

В Большом Гнездниковском переулке Оля остановила машину в самом конце. Достав из кармана пакет, Молчанов расправил парик, пригладил сбившиеся кое-где волосы. Вглядевшись в зеркало, аккуратно надел его и приклеил усы. Посмотрел на Олю:

– Ну как?

– Идеально. Я всегда говорила, это не парик, а само совершенство.

– Сейчас я выхожу из машины и исчезаю. Ты тоже исчезаешь, а точнее, начинаешь кружить по Москве. Будешь ездить в любых направлениях около двух часов. Хочешь, можешь встать где-нибудь в тихом месте. К агентству ты должна подъехать, как обычно, в девять. Направляясь туда, поведи «вольво», начиная от Калужской площади, по нашему обычному маршруту.

– Когда тебя ждать назад?

– Если от меня не будет никаких звонков, а я надеюсь, что их не будет, после работы, примерно в шесть, ты должна будешь подъехать точно к этому самому месту, чтобы уехать со мной на дачу.

– Постараюсь не опоздать на свидание. Смотри, будь осторожен.

– Буду. – Поцеловал ее. – Пока.

– Пока. Ни пуха.

– К черту.

Выйдя из «вольво», он пошел к Тверскому бульвару – не оборачиваясь и не пытаясь проверить, есть ли сейчас в переулке кто-то еще.

Выйдя на бульвар, сел на одну из скамеек. Посидел минут двадцать, бесстрастно разглядывая идущих мимо людей, посмотрел на часы, встал и двинулся к Пушкинской площади.

На Пушкинской возле памятника снова присел.

Затем зашел в ближайшее бистро. Изучив висящее на стене меню, взял порцию сосисок с капустой и кофе. Покончив с завтраком, по бульварам спустился к Трубной площади. От Трубной повернул налево, к Центральному рынку.

Зайдя на рынок, стал не спеша прохаживаться вдоль лотков, прицениваясь и изредка пробуя то, что ему предлагали купить. Так он ходил по рынку примерно полчаса, до половины одиннадцатого.

В пол-одиннадцатого, выйдя на Цветной бульвар, снова посидел на скамейке. Без пяти одиннадцать встал и, пройдя к Самотечной площади, подошел к телефону-автомату. В сумке, закрепленной на поясе, у него лежал мобильный телефон, но номер этого телефона при желании можно было легко засечь. Помня об этом, решил не искушать судьбу и опустил жетон в телефон-автомат.

Набрал номер Гудка. Почти тут же повесил трубку. Опять набрал номер.

После третьего сигнала раздался щелчок, трубку сняли. Прислушавшись к еле слышному шуршанию, три раза стукнул по мембране приготовленным заранее жетоном.

После некоторой паузы хриплый голос сказал:

– Да?

– Слушай, друг, тут у меня дело одно к тебе есть, от Марьи Ивановны. Ты понял?

Трубка не реагировала. Помедлив, Молчанов повторил:

– Друг, Марья Ивановна попросила меня с тобой встре-

титься. Причем срочно. Ты понял меня?

– Понял. Кто говорит?

– Зовут меня Кузя. – Подождав, сказал: – Давай схлестнемся на том же месте, где встречались в прошлый раз. Лады?

Мембрана слабо шумела, голос отвечать не торопился. Он терпеливо ждал.

Наконец в трубке раздалось:

– Хорошо, лады.

– Когда?

– В двенадцать.

– Понято. Значит, в двенадцать встречаемся на том же месте?

– Да. В трубке раздались длинные гудки. Повесив ее, Молчанов огляделся. По эстакаде наверху проносились машины, у цирка и расположенного рядом кинотеатра, как всегда в эти часы, было оживленно.

Сколько он ни вглядывался, не смог заметить никого, кто мог бы им сейчас заинтересоваться. Почесав грудь, сунул руку под рубашку, включил рекордер. Не спеша пошел к Рождественскому бульвару.

На Трубной площади по каменным ступенькам поднялся на бульвар. К месту, где стояли третьи по счету скамейки, подошел без пяти двенадцать.

Одна скамейка была пуста, на другой сидели двое: женщина лет сорока с двумя полными пакетами и парень лет трид-

цати. Парень был прыщав, горбонос, с гладко зачесанными набок волосами цвета пакли. В тот момент, когда Молчанов подошел к скамейкам, парень докуривал сигарету.

Он без особого труда опознал Гудка, фотография которого хранилась в компьютере агентства.

На Гудке сейчас была рубашка в бело-синюю вертикальную полоску, серые брюки и мокасины. Увидев Молчанова, он скользнул по нему равнодушным взглядом, пытаясь показать, что он не тот, к кому Молчанов пришел на свидание.

Это была проверка, и Молчанов, сделав вид, что не заметил проверки, сел напротив, на пустую скамейку. Посмотрел для вида на часы. Затем, откинувшись на спинку скамейки, стал равнодушно разглядывать стену монастыря напротив.

Минут через пять Гудок встал. Подойдя к Молчанову, кивнул:

– Привет.

Посмотрев на него, Молчанов бросил небрежно:

– Привет.

– Часом, тебя не Кузя зовут?

– Кузя.

– Понятно. – Гудок незаметно оглянулся. – Это я с тобой час назад по телефону разговаривал?

– Со мной. По голосу – вроде это ты.

– Ладно, пойдем.

– Куда?

– Сядем в мою тачку, вон она. – Гудок показал на стоящий

за бульваром, у тротуара, темно-зеленый «БМВ». – Пошли.

Подойдя вместе с Гудком к машине, Молчанов подождал, пока тот откроет переднюю дверцу. После того как Гудок сел за руль, сел рядом. Захлопнув дверцу, посидел молча. Покопался в сторону Гудка:

– Ну сели, что дальше?

– Дальше поедем.

– Куда?

– Просто поедем. – Тронув машину, Гудок осторожно спустился вниз, на Трубную площадь. Глянув в оба зеркала, развернул «БМВ» и направил машину вверх по бульварам.

Около двадцати минут они крутились по центру Москвы, то и дело сворачивая с основного пути, поминутно въезжая в переулки и перед выездом из них делая слишком долгие остановки. То, что Гудок проверяет, нет ли за машиной слежки, Молчанов понял сразу.

Наконец, видимо убедившись, что слежки нет, Гудок остановил «БМВ» в тихом тупике недалеко от Зацепы. Выключив мотор, посмотрел на Молчанова:

– Будем говорить?

– Почему не поговорить? Давай говорить.

– Значит, тебя Кузя зовут?

– Кузя.

– Фамилия есть?

– Есть. Кузьмин.

– Имя-отчество?

– Иван Васильевич.

Промычав что-то неопределенное, Гудок, глядя вперед, с полминуты сидел молча. Наконец, не поворачиваясь, спросил:

– Говоришь, тебя послала Марья Ивановна?

– Да, Марья Ивановна.

– Понятно. Слушай, опиши-ка мне Марью Ивановну.

– Описать?

– Да, обрисуй ее. Какая она с виду, и вообще.

Обдумав вопрос, Молчанов решил коротко описать внешность Тумбы:

– Ну... она такая плотная. Роста среднего. Нос барабулькой. Волосы черные с проседью, стрижется коротко. Здесь, – Молчанов показал на темя, – плешина. Усы черные, коротко стриженные. Вроде как у меня. Здесь, – тронул висок, – отметина, пописали, видать, когда-то. Глаза навывкате. Вообще, она восточного типа, Марья Ивановна. Рисовать дальше?

– Да нет, хватит.

– Слушай, друг, а как тебя-то зовут?

– Меня? – Гудок покосился. – А ты не знаешь?

– Знаю. Марья Ивановна сказала, зовут тебя вроде Гудком. Как, она не обманула?

Гудок мрачно усмехнулся. Помолчав, сказал:

– Нет. Слушай, у тебя ксива какая-нибудь есть при себе?

– Ксива?

– Да, ксива. Бумага.

– Гудок, ну ты даешь. Зачем тебе моя ксива?

– Проверить, тот ли ты, за кого косишь.

Молчанов сделал вид, что раздумывает. Наконец сказал:

– Ну ты недоверчивый. Паспорт устроит?

– Устроит.

Достав из кармана паспорт, протянул его Гудку:

– Держи, раз устроит.

Бегло просмотрев документ, Гудок надолго задержался на первой странице. Покосившись, поинтересовался:

– Не мастырка?

– Мастырку от натуральной бумаги не отличаешь?

– Отличать-то я отличаю. Но кто тебя знает.

– Так отличаешь или нет?

– Да отличаю, отличаю. Вроде не мастырка. – Гудок протянул паспорт. – Ладно, держи.

Взяв паспорт, Молчанов спросил:

– Может, номер запишешь?

– Не волнуйся, я его запомнил.

Спрятав паспорт в левый карман рубашки, Молчанов вздохнул:

– Гудок, договоримся сразу: паспорт – последнее, что я сделал по твоему указу.

– Ты о чем?

– О том, что ты мне не указ, как и я тебе. Мы равные.

Просек?

Посидев, Гудок кивнул:

– Просек. Только ты гоняешь порожняк. Говори, что хочешь знать Марья Ивановна.

– Сейчас. На днях, в этом месяце, в ваш кабак вечером забрели двое, лох-американец и его мочалка. Бурун вроде, типа, хотел, чтобы эта мочалка пересела за его столик. Было такое?

– Допустим.

– Допустим или было?

– Было. Гони дальше.

– Мочалка отказалась. После этого лох-американец и мочалка решили сделать ноги. Бурун хотел их тормознуть и схлопотал от американца по рыхе. Было?

– Да, было.

– Бурун такого не прощает, это знают все. По рыхе его бутузить нельзя. Американец и мочалка стали уходить, Бурун снарядил за ними своих пацанов. Догнали они мочалку с фраером или нет, неизвестно, но после этого случая американец вроде типа слинял куда-то напрочь. Многие думают – ушел налево. В смысле, откинул лапти. Слышал об этом?

– Да слышал, слышал. Об этом все знают, даже в газетах писали.

– Газеты Марью Ивановну не интересуют. Ее интересует, слышал ты об этом или нет?

– Слышал. Я в тот вечер был в кабаке. С мочалкой этой вообще-то базарил я сам.

– Ты сам?

– Да, я сам. Бурун меня к ней послал.

– Понятно. Так вот, Марья Ивановна хотела бы, чтобы ты прояснил некоторые вопросы.

– Какие точно, она сказала?

– Сказала. Первый вопрос: что это была за тусовка и почему Бурун ее затеял? Второй: где сейчас американец, типа, замочил его Бурун или нет? И третий: где мочалка?

– Понятно. – Гудок помолчал. – На что отвечать-то сначала?

– Сначала проясни, что это была за тусовка. Зачем Бурун заварил кашу?

– Зачем Бурун заварил эту кашу, я точно не знаю. Знаю только то, что видел.

– И что ты видел?

– Ну они вошли, ну сели. Бурун сказал мне: эта мочалка, ее зовут Инна, его знает и она его особо интересует. И он хотел бы, чтобы она села за его столик. Пойди, говорит, скажи ей, пусть оставит своего лоха и сядет ко мне. Я пошел. Когда я подошел к этому столику в первый раз, мочалка вообще стала косить под фирму. Говорит, донт спик рашен, не понимаю, типа, по-русски, так что отойди. Но потом раскололась, начала говорить по-русски. Говорит, никакого Буруна не знаю, никуда не пойду, вообще отойдите, я здесь с мужем. Я отошел от их столика, рассказал все Буруну. Он после этого сразу глотнул полный стакан. Посидел немного, говорит: все, им кранты, сегодня обоих убираем, вдвоем с тобой убе-

рем, понял? Я говорю, понял. Посидел немного еще, говорит: пойди скажи ей еще раз, чтобы она села ко мне за столик. Я пошел второй раз. Мочалка опять ни в какую, не пойду, говорит, и все. Я вернулся за столик к Буруну, говорю, она снова отказалась. Он промолчал. Потом я увидел, американец и мочалка встают, сказал об этом Буруну. Он опять глотнул полный стакан, позвонил по сотовому Кеше, халдею, тот стоял в коридоре. Спросил, куда они пошли, Кеша сказал, идут к лифту. Бурун проверил шпалер, встал, говорит, все, сейчас я их кончу. Я говорю, может, пойдём вместе, я помогу, а он: не надо, сам справлюсь. И ушел. Его долго не было, потом ко мне Кеша подходит, говорит, чтоб я спустился вниз, Бурун вроде в отключке. Я спустился, Бурун стоит у тамбура, держится за челюсть. Спрашиваю, что случилось, он говорит, суки, гады, я пацанов за ними послал, они их догонят и возьмут, и я их кончу сам, умрут у меня в муках. – Гудок посмотрел на Молчанова. – Американец ему врезал по челюсти, Бурун отключился. Пока он чухался, они вскочили в тачку и слиняли. Все.

– Все?

– Да, все. Больше я ничего не знаю. Мне Бурун после этого ни про мочалку, ни про американца ничего не говорил. То есть я его спросил потом, что с этим американцем и с мочалкой. Так он посмотрел на меня как на врага народа, говорит: «А тебя что, это сильно волнует?» И все. Больше я с этим вопросом не лез.

– Но сам-то ты мог допереть, что к чему, куда, откуда?

– Я, конечно, не лох, понял, что американец ушел налево.

С концами.

– А мочалка? Тоже ушла налево?

– Мочалка – нет. Бурун ее сейчас ищет.

– Ищет?

– Да. Я так понял, после того как ее лоха Бурун убрал, у нее заработало очко. Сначала она несколько дней тихарилась в американском посольстве, Бурун посылал туда пацанов на тачке. Они ее стремили по нескольку часов, но так и не смогли подкнокать. А потом она оттуда, из посольства, куда-то слиняла. Затихарилась где-то так, что ее вообще никто не может найти. У Буруна есть свои люди в ментовской, так он их всех поставил на цирлы. Но даже менты нигде не могут ее найти, хотя ищут всюду. Бурун сейчас вообще на дыбы встал. Хочет, чтобы пацаны нашли эту мочалку.

– Он что, хочет ее замочить?

– Потом, после всего, он ее, конечно, замочит. Того, что случилось в кабаке в тот вечер, он ей никогда не простит. Но пока, как он мне сказал, он хочет получить на ней навар.

– В смысле?

– В смысле, захватить и взять выкуп.

– Выкуп с кого?

– С американцев. Она богатая телка, от мужа у нее остались большие бабки. Там пахнет не одним лимоном. Бурун ее возьмет, получит, сколько хочет. А потом кончит. Так он

мне сказал.

– Понятно. Что-то еще про этот случай можешь сказать?

– Ну, Бурун сказал пацанам, чтобы водилу, который на своей тачке увез тогда мочалку и американца из «Шатра», убрали. Причем велел убрать этого водилу прямо на стоянке, перед кабаком. Его и убрали там. В его же тачке. Пустили пару маслят в бок – и кранты.

– Кто это сделал, знаешь?

Гудок покачал головой:

– Не интересовался. Мне еще водилой заниматься – своих дел хватает. Убрали и убрали, а кто – мне до балды.

– Понятно. – Несколько секунд Молчанов сидел, делая вид, что обдумывает услышанное. – Значит так: с тем, что меня просила узнать у тебя Марья Ивановна, все.

– А с чем не все? – Не услышав ответа, Гудок настороженно покосился: – А?

– Вот с чем – ты хочешь закалымить?

– Не понял. Что значит – закалымить?

– Это то значит, что мне нужно узнать одну вещь. За это я прямо сейчас, не отходя, плачу тебе пять косых зелени. Налом. Разъяснишь – бабки твои.

Гудок погладил баранку:

– И что я должен тебе разъяснить за эти пять косых?

– Да вообще-то пустяк, тебе сказать это мне, что два пальца об асфальт. А мне это нужно знать. Я, если захочу, и так узнаю. Но поскольку ты рядом и я знаю, ты можешь меня

просветить, мы можем договориться.

– Ну ты даешь. – Гудок помолчал. – Пустяк, говоришь? И пять косых зелени?

– Да, пять косых зелени. – Молчанов расстегнул прикрепленную к брючному ремню сумку. Взяв за край, чуть высунул перетянутую резинкой пачку стодолларовых банкнот. – Вот пять косых, натурально. Взял специально для тебя. Поскольку знал, что с тобой встречаюсь и то, что мне нужно, ты знаешь. Думаю, мы договоримся.

– И что ты хочешь знать?

– Я хочу знать, где сейчас Моня. И что он делает. И почему он это делает.

– Моня?

– Да, Моня. Виталька Филимонов. Как я понимаю, ты должен о нем кое-что знать.

Несколько секунд Гудок раздумывал над ответом. Наконец сказал:

– Верно, должен.

– Только вот что, Гудок. Не думай, что я лох и дам тебе пять косых за лапшу. Начнешь вбивать болты, просеку сразу. И пяти косых ты не увидишь.

– Да понял я, понял. Только я сначала хотел бы посмотреть твои бабки. Может, это кукла.

– Нет вопросов. – Молчанов протянул пачку. – Смотри.

Взяв пачку, Гудок снял резинку. Насчитав ровно пятьдесят стодолларовых банкнот, снова сложил их в пачку. Кив-

нул:

– Значит, договор: я тебе говорю, где Моня и что он делает. И за это получаю эти пять косых. Так?

– Так. Только бабки пока снова замотай резинкой. И положи на сиденье между нами. Чтобы я был спокоен. Ты еще ничего мне не сказал.

Замотав пачку резинкой, Гудок положил ее на сиденье.

– Значит, тебя интересует Моня?

– Да, меня интересует Моня.

– Моня сейчас в Америке.

– Где в Америке?

– В Нью-Йорке.

– Просто в Нью-Йорке?

– В Нью-Йорке у него база, а так пойми, где он. Может, он мотается по всей Америке.

– Допустим, я хочу его найти – где искать?

– Если захочешь его найти, загляни в Нью-Йорке на Брайтон-Бич. Знаешь, что такое Брайтон-Бич?

– Знаю. Еще где?

– Еще есть такое место, Форт-Ли. Это рядом с Нью-Йорком. Он может быть там.

– Еще где?

– У меня есть наводка только на Брайтон-Бич и Форт-Ли. Других его хат не знаю.

– Понял. Моня сейчас в Америке сам по себе? Или как шестерка Буруна?

После некоторого колебания Гудок выдал:

– Как шестерка Буруна.

– У него что, свое дело в Америке? У Мони?

– Да, свое дело.

– Замастыренное?⁴

– Ну... считай, замастыренное.

– Какое?

– Своя компания.

– Какая?

– Длинное название. Ты можешь не запомнить.

– Ничего, запомню. Какая компания?

– «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент».

– Еще что-нибудь про Моню можешь сказать?

– А что еще? Я вроде все сказал.

– С какими банками или компаниями эта Мониная фирма связана, не знаешь?

– Не знаю. Насчет банков и прочего я с ним связи не держу. Знаю, что он в Америке, знаю, какая у него компания. И все.

– Хорошо, лады. – Молчанов помедлил. – Бери бабки, они твои.

Взяв пачку правой рукой, Гудок, нагнувшись, стал засовывать ее под сиденье. Делал он это подозрительно долго, причем его левая рука, которую Молчанов не видел, совер-

---

⁴ Замастыренное – здесь: замаскированное, скрывающее преступные цели (блатн. жарг.).

шала еще какие-то движения. Сообразив наконец, что означают эти движения, Молчанов локтем левой руки резко поднял Гудка, придавив его к спинке сиденья, а правой подхватил спустившийся по рукаву «байярд». Прижал ствол к горлу делового:

– Не нужно трепыхаться, родной. Пустое.

Косясь на «байярд», Гудок захрипел:

– Ты что, ты что... ты что, сдурел? Что с тобой? Убери пушку...

Не отнимая ствола от горла Гудка, Молчанов оттянул предохранитель:

– Тихо, малыш... тихо... Не я сдурел, а ты... – Перехватил «байярд» левой рукой, пошарил правой под сиденьем. Нашупав металлическую поверхность, достал пистолет «ПСМ». Улыбнулся: – О, сюрприз... «ПСМ», серьезная пушка... – Покачал головой: – Нет, это ты сдурел, раз решил играть со мной в такие игры... Хотел меня грохнуть под шумок? А? А Марье Ивановне сказать, что я не пришел на свидание? А, Гудок?

– Ты что? – Гудок сглотнул. – Крыша поехала, что ли?.. Не хотел я тебя грохать. Ну шпалер лежит под сиденьем, ну и что? Я всегда держу под сиденьем пушку. Да и все нормальные люди держат, ты что, не знаешь?

– Знаю. Но нормальные люди не пытаются грохнуть из этой пушки человека, от которого только что получили пять косых зелени.

– Да не пытался я тебя грохнуть... Показалось тебе...

– Мне ничего не показалось.

Нащупав сзади ручку дверцы, Молчанов рукой, которая держала «ПСМ», открыл ее. Боком, ни на мгновение не упуская Гудка из поля зрения, подошел к радиатору. Засунул «байярд» за пояс, открыл крышку радиатора, быстро отсоединил контакты от батарей зажигания. Вернув крышку радиатора на место, сказал:

– Все, Гудок. Разбегаемся. Может, ты и прав. Может, я в самом деле ошибся и ты не хотел меня грохнуть.

– Да в натуре ты ошибся. В натуре, я тебе говорю.

– Наверное. – Вытащив из «ПСМ» обойму, спрятал ее в карман. Подойдя к окну машины, бросил пистолет на сиденье. – Ладно. Разбегаемся. Только ты посиди малость в своей тачке, хорошо? А я тем временем слиняю. И все будут довольны. А?

– Хорошо, – процедил Гудок.

– Все, Гудок. Извини, не прощаюсь, говорят, плохая примета.

Молчанов оглянулся, увидел в просвете домов часть улицы, на которой изредка возникали, чтобы тут же исчезнуть, прохожие. Вытащив «байярд» из-за пояса, стал пятиться задом, по-прежнему не упуская Гудка из поля зрения. Дойдя до угла тупика, спрятал пистолет в карман рубашки. Свернул на улицу, пошел спокойным шагом в сторону остановки троллейбуса.

Стоя на остановке, он не переставал внимательно наблюдать за выездом из тупика. Как он и рассчитывал, при нем «БМВ» из тупика на улицу так и не выехал. Не увидел он «БМВ» и тогда, когда, войдя в троллейбус, встал у заднего окна.

Троллейбус шел быстро. После того как выезд из тупика и остановка скрылись из вида, Молчанов сунул руку за пазуху, выключил рекордер и сел на свободное место.

Сделав несколько пересадок, сошел с очередного троллейбуса у Речного вокзала в Химках. Зашел в туалет, снял парик и усы, спрятал их в сумку. Выйдя из туалета, минут пять постоял на площади у входа в метро. Не заметив ничего подозрительного, прошел на Речной вокзал.

Здесь, в ресторане «Волга», разглядывая скользящие по глади канала яхты, гребные суда и пассажирские теплоходы, еще раз обдумал все, что произошло сегодня при встрече с Гудком.

К Большому Гнездниковскому переулку он подошел ровно в шесть. «Вольво» стоял на том же месте, и когда он сел рядом с Олей, она, обняв его, ткнулась носом ему в шею. Прошептала:

– Я очень волновалась. Как все прошло?

– Нормально. Зря волновалась. И поедem на дачу, здесь душно.

Глава 7

Взяв обойму, Костомаров бегло осмотрел ее. Выдавив одну пулю, постучал ногтем по маркировке:

– Пуля со смещенным центром. Откуда обойма?

– Я вынул ее из «ПСМ», который Гудок явно приготовил для меня.

– Черт... Я тебя предупреждал, это змей еще тот. Расскажи, как все прошло?

Молчанов коротко рассказал о встрече. Затем положил на стол компакт-диск:

– Послушай. Записалось вроде ничего.

Вставив диск в компьютер, Костомаров прослушал запись разговора с Гудком.

– Впечатляет. Особенно ввиду того, что прямо сейчас я должен везти эту запись к Тумбе.

– Обязательно сейчас?

– Обязательно. Он наверняка уже знает, что разговор состоялся, и ждет от меня диск. Ты хоть понимаешь, что означает этот разговор для Гудка?

– Понимаю. Гудок обречен. Тумба кончит его в самом ближайшем будущем.

– Верно, хотя жаль. Нам очень важно, чтобы Гудок остался жив.

– Костя, Гудка кончат, что бы мы ни предприняли и где

бы мы его ни спрятали. Его кончат даже в тюремной камере. Он находится между двумя жерновами – Тумбой и Буруном. Лезть туда нам – значит, самим попасть под эти жернова.

– Пожалуй. Только, Паша... мы с тобой прослушали эту запись – и все. Пока больше слушать ее никому не давай. Даже Радичу, даже Оле, даже Инне. О том, что вся эта история должна остаться между нами, у нас с тобой был уговор с самого начала.

– Но о сути записи, надеюсь, я могу рассказать двум-трем людям?

– О сути записи рассказывай сколько хочешь. Только не говори при этом, что запись была сделана по просьбе Тумбы. Понимаешь почему?

– Понимаю. Чтобы не подводить Тумбу.

– Вот именно. А также нас с тобой. Ладно, все, еду.

Вечером на даче Молчанов пригласил Инну пройти с ним на самую лучшую, восточную часть веранды.

Сев в кресло, из которого открывался вид на росший в углу участка шиповник, Инна улыбнулась:

– Мы с вами прямо как два заговорщика. Ушли в самый дальний угол.

– Мы и есть два заговорщика. Инна, скажите, вы помните человека, который в тот вечер, когда вы с мужем зашли в ресторан «Восточный шатер», подсаживался к вам и передавал требования Буруна?

– Человека, который подсаживался? Ну... да. Не очень хорошо, но помню.

– Сможете его сейчас описать?

– Ну... он такой... какой-то весь серый. Серые волосы, серые глаза. Причем глаза у него маленькие. Он рябой, на щеках то ли следы прыщей, то ли просто плохой обмен веществ. Ну и нос такой... птичий. Как клюв.

– Все правильно. Этого человека зовут Гудок. Такая у него кличка. Я с ним сегодня разговаривал. К сожалению, он рассказал мне несколько неприятных вещей.

– Каких?

– Инна... постарайтесь собраться.

– Павел, я выдержу. Говорите.

– Гудок практически подтвердил, что вашего мужа убили.

Присмотревшись, он увидел: она плачет.

– Инна, успокойтесь.

– Я спокойна. – Достав платок, вытерла слезы. – Извините, просто минутная слабость. Что... Стива точно убили?

– Точно. Инна, пожалуйста, успокойтесь.

– Хорошо. – Скомкав платок, спрятала его в карман сарафана. – Все прошло. И... как они это сделали?

– Подробностей Гудок не знает, в убийстве он не участвовал, во всяком случае, по его словам. Но он подтвердил, что Бурун хотел убить вас и вашего мужа прямо в ресторане. Бурун предложил Гудку сделать это вместе с ним. Потом, когда вы с мужем решили уйти из ресторана, Бурун вознамерился

убить вас обоих без участия Гудка, лично. Но, как вы мне уже рассказывали, ваш муж не дал ему это сделать, он просто отправил его в нокаут. Придя в себя, Бурун послал за вами погоню, которая в конце концов и расправилась с вашим мужем.

– Подонок... он просто подонок...

– Да, он подонок, и то, что он хочет сделать с вами, подтверждает, что он подонок.

– А что он хочет сделать со мной?

– Он хочет взять вас в заложницы. И потребовать за вас выкуп. Как я понял, он рассчитывает, что выкуп за вас заплатит банк вашего мужа.

– Банк моего мужа... Хорошо, пусть рассчитывает. Банк ему за меня ничего не даст.

– Банк может дать, но дело не в банке. Я никогда не позволю Буруну взять вас в заложницы, запомните это. И убить вас.

– Он собирается меня убить?

– Да, даже если он получит выкуп. Мне кажется, я разгадал его схему.

– Разгадали?

– Да. Он хочет, чтобы все думали, будто он убил вас из-за личной мести, поскольку вы и ваш муж унизили его тогда, в ресторане. Но ясно, главная причина, по которой Бурун хочет вас устранить, – банк «Атлантик Америкэн». И вы сейчас единственная, кто может помешать ему завладеть этим

банком.

– Но я не могу помешать ему завладеть банком. Во всей этой их игре с банком я никто. Банк получит брат Стива.

– Бурун об этом не знает, это во-первых. Во-вторых, учтите одну вещь: вы ведь сказали, у вашего мужа кроме вас есть еще только два родственника – его мать и его брат?

– Да, мать и брат.

– Так вот, если с ними что-то случится и их не станет, в соответствии с американскими законами банк перейдет к вам. Вы знаете об этом?

– Нет. Но почему банк перейдет ко мне? Меня же нет в завещании.

– Это не имеет значения. Если что-то случится с матерью и братом вашего мужа, банк перейдет к вам, как к единственной оставшейся в живых прямой родственнице бывшего владельца. Таков закон. Неужели вы этого не знали?

– Нет, не знала.

– Зато это наверняка знает Бурун. Думаю, сейчас он готов сделать все, чтобы вас устранить. Ведь теперь главная цель – стать владельцем банка «Атлантик Америкэн» – для него близка как никогда. Гудок подтвердил, что компания «Нью-Инглэнд энерджи энд импрувмент» фактически принадлежит Буруну. Владелец компании де-факто является ближайший подручный Буруна Виталий Филимонов по кличке Моня, и он сделает все, что ему прикажет Бурун. Он активно скупает акции банка вашего мужа. И очень похоже, кам-

пании по скупке акций «Атлантик Америкэн», которая была начата по указанию Буруна, предшествовала тщательная подготовка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.